

Э.В. САГАЛОВ

К

РЕЛЮДИЯ НЮРНБЕРГУ

ХАРЬКОВ
"ПРАПОР"
1990

Э.В.САГАЛОВ

ПРЕЛЮДИЯ К НЮРНБЕРГУ

Повесть,
основанная
на документах

Харьков «Прапор»
1990

ББК 63.3(2)722
С13

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Суд идет!	5
Третий всяж Генриха Гиммлера	10
Свернется ли возмездие?	15
«Малютка Гретель»	21
Машины смерти	25
Два указа	29
В августе сорок третьего	32
Голос Толстого	35
«Даже на краю света...»	42
Скрипка и «шмайссер»	46
Адвокат Белов вспоминает...	50
Глазами писателей	54
Черный оборотень	61
Видения старшего ефрейтора Рецлава	73
Дело о «газовом автомобиле»	77
«Приговор окончательный и обжалованию не подлежит»	82
Эхо харьковского процесса	87
Документы «СССР-32» и «СССР-43»	101
Коричневые призраки. Вместо эпилога	105

С $\frac{4702010204-027}{M218(04)-90}44-90$

ISBN 5-7766-0149-5

© Сагалов З. В., 1990

К ЧИТАТЕЛЮ

Сорок пять лет тому назад в старинном баварском городе Нюрнберге, бывшей партийной столице нацистов, Международный военный трибунал вынес беспощадный приговор главарям фашистской разбойничьей клики, развязавшей самую чудовищную в истории человечества войну.

От имени десятков миллионов безвинно погибших — расстрелянных и распятых, сожженных в крематориях и закопанных живьем, удушенных в душегубках и замученных в пыточных камерах — Суд Народов обвинил фашизм в тяжчайших преступлениях против человечности — в планомерном истреблении целых народов и рас, массовых убийствах мирных граждан, варварском уничтожении духовных и материальных ценностей.

Сегодня, когда решения суда в Нюрнберге уже стали историей, невозможно представить себе, что этого процесса столетия могло не быть. Что справедливая кара не постигла бы палачей. Что миллионы жертв остались бы не отомщенными. Неужели мир мог допустить такое кощунство над памятью павших?

Документы истории со всей непреложностью свидетельствуют, что на пути к Нюрнбергу было немало дипломатических и политических преград. Западные правоведы ссылались на отсутствие подобного прецедента в мировой юридической практике. Парламентарии призывали правительства стран-союзников избежать судебных процессов над виновниками преступлений. Духовенство взывало к милосердию.

В этой сложной обстановке Советское правительство, с первых дней войны заявившее, что ни одному гитлеровскому преступнику не удастся уйти от справедливого возмездия, делает практический шаг на пути к будущему Суду Народов.

В декабре 1943 года в Харькове, одном из первых городов Украины, освобожденном от ига оккупации, открылся судебный процесс над немецко-фашистскими преступниками. Не велики были чины этих рядовых палачей третьего рейха, и совершенные ими злодеяния были лишь частью той чудовищной цепи преступлений, о которых впоследствии узнало человечество. Но это был первый суд над фашизмом, ставший историческим прецедентом, одной из вех на пути к Нюрнбергу.

Украина выстрадала право открыть эру великого возмездия. Установленный гитлеровцами режим тотального террора унес четыре с половиной миллиона человеческих жизней. Фашистские орды разрушили и разграбили тысячи населенных пунктов республики. Гигантские заводы, школы и больницы, шахты и музеи были превращены в руины. Общий ущерб, который понесла многострадальная украинская земля от нашествия варваров, составил 285 млрд. рублей.

Заседания военного трибунала 4-го Украинского фронта проходили в полуразрушенном вымершем городе, в который едва начала возвращаться жизнь. В искалеченный, лежащий в руинах Харьков прибыли десятки советских и зарубежных корреспондентов. К судебному процессу, длившемуся четыре дня, было приковано внимание всего мира.

В книге, предлагаемой вниманию читателя, рассказано о том, как готовился первый судебный процесс, о ходе судебного разбирательства, о том воздействии, которое он оказал на мировое общественное мнение.

Книга основана на подлинных документах. В ней использованы стенограммы трибунала, репортажи из зала суда, архивные материалы, воспоминания участников и очевидцев.

О Нюрнбергском процессе имеется обширная литература — монографии, мемуары, статьи. О суде в Харькове написано мало. А ведь он был первым ударом колокола, возвестившим о неминуемом возмездии. Грозной прелюдией к Нюрнбергу...

СУД ИДЕТ!

Секретарь военного трибунала 4-го Украинского фронта капитан юстиции Кандыбин вышел на пустую сцену перед голубым бархатным занавесом. Переполненный зрительный зал мгновенно замер в настороженной тишине. Кандыбин подошел к своему столику и сказал:

— Прошу встать. Суд идет!

Он произнес эти слова негромко, но их услышали не только партер и галерка. Они разнеслись по всему миру.

«Я долго ждал этого часа,— торопливо записывал в своем блокноте сидящий в ложе прессы Илья Эренбург.— Я ждал его на дорогах Франции. Я ждал его в Истре и Волоколамске, глядя на пепелища и виселицы. Я ждал его в селах Белоруссии, в городах омраченной Украины. Я ждал часа, когда прозвучат слова: «Суд идет!» Сегодня я их услышал. Суд открыт. На скамье подсудимых, кроме презренного предателя, три немца. Это первые. Но это не последние. Мы запомним день 15 декабря — в этот день мы перестали говорить о предстоящем суде над преступниками. Мы начали их судить».

15 декабря 1943 года... Обычный, девятьсот шестой по счету, день войны. Накануне Москва от имени Родины салютовала войскам 2-го Украинского фронта, овладевшим важным узлом обороны немцев на правом берегу Днепра — городом Черкассы. На широких заснеженных пространствах от Баренцева до Черного моря продолжались ожесточенные бои с противником. За сутки сбито 100 самолетов и уничтожено 37 танков. Крымские партизаны взорвали эшелон с боеприпасами. Шахта имени Калинина в Донбассе

дала первый уголь... Об этом сообщали скупые строки сводок Совинформбюро.

Но главная новость дня, которую на следующий день распространили все телеграфные агентства мира, была передана из Харькова. Здесь, в израненном, окруженном кольцом могил, городе открылся первый в истории судебный процесс над военными преступниками.

В пожелтевших газетах того времени, в стенограммах процесса, в репортажах из зала суда нет упоминания о том, где происходили заседания трибунала. На то, видимо, имелись веские причины: фронт был близок, всего за какие-нибудь тридцать-сорок минут бомбардировщики «люфтваффе» могли долететь до города. Не исключалась и возможность диверсионных актов.

Писатель Савва Дангулов, прилетевший на «дугласе» с тридцатью иностранными корреспондентами, вспоминал впоследствии: «Прямо с аэродрома мы направились в город, где в этот час в здании Харьковского драматического театра заканчивался процесс».

Герой романа А. Рекемчука «Нежный возраст», проходя по Сумской, видит возле здания театра военный автомобиль с зарешеченными окопечками, в котором привезли подсудимых.

Драматический театр, Сумская... Конечно же, речь может идти только о театре имени Т. Г. Шевченко. Юрий Махненко в своей книге «Не можна не любити» так прямо и пишет: «Судебным залом был шевченковский театр».

Рассказы очевидцев, присутствовавших на заседаниях трибунала, противоречивы. Некоторым помнится, что суд происходил в театре им. Шевченко. Другие, не менее убежденные в своей правоте, называют оперный театр.

Собирая материалы для этой книги, я случайно узнал, что на процессе работала группа кинооператоров во главе с Романом Карменом. Значит, был снят фильм? Я написал в Красногорск, в Государственный архив кинофотодокумен-

тов. Ответ был скорый и радостный: да, такой фильм есть. Только снимал его не Р. Кармен, а другой, не менее известный наш кинодокументалист, лауреат Государственной премии Илья Петрович Копалин¹.

И вот я в Красногорске, в небольшом просмотровом зале, где, сидя перед маленькими экранами, режиссеры кино и телевидения просматривают тысячи метров старой кинохроники. Сотрудница архива выдает мне пять жестяных коробок картины «Суд идет», снятой Ильей Копалиным в те декабрьские дни сорок третьего года.

Заряжаю первую бобину, волнуясь, нажимаю не на те кнопки, но вот уже освоил нехитрую технику. Пошли кадры... Судейская коллегия... Скамья подсудимых... Переполненный зрительный зал... Стоп! И лепнина лож, и кариатиды, поддерживающие балкон, и широкий проход в амфитеатре — конечно, сомнений быть не может, процесс происходил в оперном театре!

Но почему же С. Дангулов говорит о драматическом театре? Ошибка? Отнюдь, все верно. Перед самой войной для Харьковского оперного было выстроено новое здание на Московском проспекте (в нем сейчас размещается ДК ХЭМЗ), а старое помещение на Рымарской было передано театру русской драмы.

Итак, Харьков, оперный театр, 15 декабря 1943 года, 10 часов утра... За судейским столом усаживаются председатель военного трибунала 4-го Украинского фронта

---

¹ И. П. Копалин был учеником и сподвижником Дзиги Вертова, снял десятки кинолент — о Хасане и Халхин-Голе, о разгроме немцев под Москвой и освобождении Чехословакии. Картина о Харьковском процессе была ему особенно памятной, он считал ее этапной и в одном из своих интервью незадолго до смерти говорил: «В моей творческой карточке записаны такие военные фильмы, как «Сражение за Ви-тебск», «Хелм-Люблин», «В Восточной Пруссии», «Вступление Красной Армии в Бухарест», «Суд идет» (о первом суде над предателями и изменниками, захваченными в освобожденном Харькове) и ряд других».

генерал-майор юстиции А. Н. Мясников и члены трибунала — полковник юстиции М. А. Харчев и майор юстиции С. С. Запольский. Слева занимает свое место государственный обвинитель полковник юстиции Н. К. Дунаев.

Внизу, в партере, откуда вынесено несколько рядов кресел, скамья подсудимых. За барьером, охраняемые автоматчиками, сидят те, кто еще вчера бесчинствовал в поверженном и беззащитном городе, вешал, расстреливал, травил окисью углерода женщин, детей, военнопленных.

Скамья подсудимых установлена перпендикулярно сцене. Первым, совсем близко к зрителям, сидит рыжий немец, капитан военной контрразведки Вильгельм Лангхельд. Сидит неподвижно, выпятив грудь, на которой красуются нашивки за зимнюю кампанию сорок первого — сорок второго годов.

Рядом с ним — заместитель командира роты СС унтерштурмфюрер Ганс Риц, двадцатитрехлетний убийца с кокетливыми усиками на холеном лице.

Третий в ряду — Рейнгард Рецлав, неприметный, светлый человечек с аккуратным пробором, в очках. Он самый младший по званию — старший ефрейтор бывшего харьковского гестапо.

Через стул от Рецлава сидит немецкий прислужник, предатель Михаил Буланов — дюжий молодчик со сросшимися на переносице бровями. Он не расстреливал, не вешал. Просто работал шофером. Шофером душегубки...

Обвиняемых защищают известные московские адвокаты Н. В. Коммодов, С. К. Казначеев и Н. П. Белов. Корреспондент журнала «Коллиерс» отметит впоследствии этот факт: «Ничто в харьковском процессе не дает права опасаться, что суд нарушил каким-либо образом юридические нормы. Хотя суд был военный, а не гражданский, подсудимым были предоставлены адвокаты для защиты. Процесс был открыт для публики и прессы».

На маленьком экране появляются сидящие в ложе прессы Алексей Толстой, который приехал освещать процесс в

качестве корреспондента «Правды», и молодой Леонид Леонов, представляющий газету «Известия». От «Красной звезды» прибыли в Харьков Илья Эренбург и подполковник Константин Симонов, от «Комсомолки» — Елена Кононенко. В зале суда Юрий Смолич, Максим Рыльский, Владимир Сосюра, Павло Тычина, Савва Дангулов, Владимир Лидин.

На процессе присутствовали десятки корреспондентов, аккредитованных в Москве: Ральф Паркер от лондонской «Таймс» и «Нью-Йорк таймс», Харш (радиовещательная компания «Колумбия»), Шампенуа (Франция), Стивенс (США). Своих представителей командировали в Харьков влиятельные британские газеты «Санди экспресс» и «Дейли экспресс».

Все понимали важность и значение харьковского процесса. «За этими мелкими сошками,— вспоминал впоследствии Константин Симонов,— стояла созданная для массовых убийств государственная машина смерти, масштабов действия которой мы еще не знали. Уже после этого в мою память вошло и то, что увидел своими глазами — Майданек и Освенцим, и то, о чем слышал и читал... Печи, рвы, черепа, кости, панихиды и эксгумации... Но тогда в Харькове был только этот куцый кончик всего раскрытого потом».

Многие города наши навечно вошли в человеческую память подвигами и страданиями, выпавшими на их долю в тяжкие годы войны. Сталинград — беспримерной в истории битвой, возвестившей крах гитлеровских полчищ, Севастополь — героической обороной, Брест — неприступной цитаделью, Ленинград — блокадой. За двадцать два месяца оккупации Харьков выстрадал свое право открыть эпоху великого возмездия, завершившуюся Судом Народов. Еще далека была Победа, еще долгих 705 дней оставалось до открытия Нюрнбергского процесса, когда в Харькове прозвучали суровые слова о неотвратимости расплаты за чудовищные преступления. Слова, которые с нетерпением и надеждой ждал весь мир:

— Суд идет!

ТРЕТИЙ ВОЯЖ ГЕНРИХА ГИММЛЕРА

... В те довоенные летние дни на Сумской стояли огромные щиты с портретами артистов. Харьков готовился к встрече с прославленными мастерами московского Малого театра. Гастроли должны были открыться 30 июня спектаклем «Варвары».

22-го началась война. Театр не приехал.

Харьков увидел других варваров. Со «шмайссерами» в руках, в глубоких тевтонских касках, они ворвались в город 24 октября. Черная свастика взметнулась над Госпромом. Стены домов угрожающе кричали:

«За появление на улице от 8 вечера до 5 утра — РАССТРЕЛ».

«За сопротивление оккупационным властям — РАССТРЕЛ».

«За укрывательство партизан — РАССТРЕЛ».

Скошенные пулеметной очередью упали на дно оврага первые харьковчане — жители Журавлевки. Колючий осенний ветер раскачивал на балконах одеревяневшие трупы повешенных...

26 октября с военного аэродрома поднялся в воздух «Ю-52» и взял курс на Харьков.

В просторном салоне сидел рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. В хвостовом отсеке, чтобы не докучать шефу, разместились «неразлучная тройца» — его секретарь штандартенфюрер Брандт, адъютант Герман Бух и личный телохранитель Ганс Цаэляйн.

Гиммлер уже совершил две инспекционные поездки на Восток. Вначале посетил Минск. Хотелось лично увидеть, как проводятся карательные акции. Начальник концентрационного лагеря отобрал сто заключенных. Их вывели на край оврага и начали палить из автоматов.

(«Папа много, очень много делает для окончательной победы», — старательно выводит в дневнике дочь Гиммлера

Гудрун. Спустя много лет, уже после того как Гиммлер, задержанный в мае сорок пятого британским патрулем, раздавит спрятанную в полости зуба ампулу с цианистым калием, этот дневник издадут в ФРГ. И кое-кого, быть может, приведут в умиление слова нежности и восторга, адресованные главному палачу рейха: «Весь народ смотрит на моего папу, а он такой скромный»...)

Вернувшись в Берлин, на Принцальбрехштрассе, 8, Гиммлер вызвал в кабинет руководящих работников главного имперского управления безопасности и рассказал о том, что видел в Минске.

Нужно было придумать способ умертвлять людей «достойный цивилизованной страны».

Шеф главного имперского управления безопасности Гейдрих предложил поручить разработку нового вида казни оберштурмфюреру Рауфу, начальнику группы 2Д, ведавшей техническими и транспортными вопросами. Вальтер Рауф был давним и надежным другом Гейдриха. Еще до прихода нацистов к власти они оба служили на флоте. Служа во флотской контрразведке, Гейдрих завел на берегу любовную интрижку. Обещанием жениться склонил некую Гретхен к сожительству, и когда девица забеременела — дал задний ход и от брака отказался. Папаша Гретхен был влиятельным человеком — совладельцем судоверфи, поэтому возник громкий скандал. Гейдриху пришлось распрощаться с карьерой морского офицера. За аналогичную историю списали на берег и Рауфа.

Это было в 1931 году. Нацизм шел круто в гору. Гейдрих примкнул к движению. Вступив в СС, которыми командовал Гиммлер, он получил задание организовать и возглавить СД — разведку и контрразведку НСДРП. Так началась новая карьера Гейдриха, путь самых чудовищных преступлений на посту шефа нацистской службы безопасности. Вслед за ним в СС вступил и Рауф. Оперативная работа пришлась Рауфу по нутру. Он устраивал внезапные ночные облавы на красных, виртуозно проводил допросы. В 1937 году его

направляют в Испанию в составе экспедиционного корпуса легиона «Кондор», который, расправившись с республиканцами, помог генералу Франко установить в стране фашистскую диктатуру. С начала второй мировой войны Рауф в Польше. Надо полагать, что в карательных акциях против поляков и евреев Рауф сумел показать, на что он способен, потому что вскоре Гейдрих переводит дружка в свой аппарат, возложив на него все техническое обеспечение СС и СД.

В сентябре 1941 года Рауф доложил Гейдриху о технической идее некоего доктора Беккера, предложившего использовать для умерщвления людей выхлопные газы двигателей работающей машины. Гиммлер был восхищен этим проектом.

В Николаеве, куда рейхсфюрер совершил свой второй вояж, ему был представлен автор этого изобретения. Унтерштурмфюрер доктор Беккер, начальник автотранспортной части айнзатцгруппы «Д» по распоряжению Гиммлера был откомандирован в Берлин для быстреего внедрения проекта.

В Николаеве Гиммлер прибыл для встречи с руководителями айнзатцгрупп. Эти специальные формирования, которые следовали за войсками и осуществляли акции по расчистке тыла, были гордостью рейхсфюрера. Он придумал их еще до войны с Россией, в мае сорок первого. Четыре айнзатцгруппы, каждая по 500—800 человек, были скомплектованы из самых надежных людей СС, гестапо и уголовной полиции.

Слушая рапорты руководителей айнзатцгрупп, Гиммлер делал пометки в блокноте. Хейнц Йост — «чистит» Прибалтику, у него все в порядке. Артур Небе «утюжит» Белоруссию, этот тоже не подведет. А вот на Украине дело идет из рук вон плохо. Там две айнзатцгруппы, «С» и «Д», но Раш закопался в Киеве, а Олендорф возится на линии Одесса — Херсон. Кто же будет заниматься востоком Украины?

Вопрос этот так и остался открытым. И Раш, и Олендорф возражали против переброски их айнзатцгрупп на восток,

пока не будет закончена «стерилизация» закрепленных за ними территорий. Гиммлеру пришлось согласиться с доводами обоих генералов. Исходя из этого, карательные акции в Харькове надо было организовать собственными силами СС и СД, не дожидаясь подхода айвзатцгрупп. Этим и был вызван третий вояж Генриха Гиммлера.

...Самолет резко пошел на посадку, Гиммлер взглянул в иллюминатор. Под крылом виднелись разбросанные в беспорядке кубики домов. Чужой, незнакомый город. Клубы черного дыма, обгоревшие крыши, развалины зданий.

На аэродроме рейхсфюрера встречали военный комендант города Эдике и несколько офицеров.

Вечером того же дня в конференц-зале гестапо рейхсфюрер Гиммлер выступил перед командным составом СС и СД.

Нетрудно предположить, о чем мог говорить на этой встрече оберпалач третьего рейха в октябре 1941 года. Победопосные репортажи с фронтов, казалось, не оставляли никакого сомнения в скорой и окончательной победе вермахта. Танки Гудериана и самолеты Геринга неукоснительно выполняли планы захвата, правда, не так быстро, как предполагалось в самом начале военных действий на Востоке.

Однако, несмотря на то, что расчеты военного командования на блицкриг из-за упорного сопротивления русских не оправдались, сегодня семь европейских столиц, Прибалтика, Белоруссия и почти вся Украина включены в незыблемые владения Великой Германии. Фюрер ставит задачу к началу ноября выйти к Волге, захватить Баку и Батуми, и тогда Россия будет сломлена окончательно.

Но каждый отбитый у неприятеля город, каждый хутор, каждая захваченная у русских деревня добавляют работы «чернорабочим истории» — так любовно называл рейхсфюрер СС карателей и вешателей своего всесилоного ведомства. Именно им он напоминал об ответственности за выполнение Генерального плана Ост — детально разработанной программы «освоения» и онемечивания восточных областей.

Гиммлер являлся одним из авторов этого чудовищного плана, созданного теоретиками и практиками невиданного в истории разбоя. В плане все было учтено до мелочей, с истинно немецкой тщательностью и педантичностью. 31 миллион славян подлежали уничтожению или выселению в Сибирь. На этих землях должны были поселиться немецкие колонисты — количество их было подсчитано с бухгалтерской точностью: ровно 3 345 803 человека. Срок колонизации — 30 лет. За это время восточные земли превратятся в гигантский питомник германской расы.

История не сохранила для нас стенограммы этой речи Гиммлера, которой было положено начало двухлетнему фашистскому террору в Харькове. Но многочисленные высказывания рейхсфюрера СС о методах «расчистки завоеванных территорий» дают полное представление о том, какие наставления были им даны в только что оккупированном городе. Вот некоторые из них.

«Цель русской кампании — расстреливать каждого десятого из славянского населения, чтобы уменьшить его количество на 30 миллионов». (Начало 1941 г., речь в Вавельсберге).

«Принципиальная линия для нас абсолютно ясна — этому народу не надо давать культуру. Я хочу повторить слово в слово то, что сказал мне фюрер. Вполне достаточно того, чтобы во-первых — дети в школах запомнили дорожные знаки и не бросались под машины; во-вторых, чтобы они выучили таблицу умножения, но только до 25; в-третьих, чтобы они научились подписывать свою фамилию. Больше им ничего не надо». (Сентябрь 1942 г., совещание высших руководителей СС и полиции близ Житомира).

«Мы, немцы, являемся единственными на свете людьми, которые прилично относятся к животным, поэтому мы будем прилично относиться и к этим людям-животным, но мы совершим преступление против своей собственной расы, если будем о них заботиться». (Октябрь 1943 г., совещание группенфюреров СС в Познани).

Уничтожение или превращение людей в покорных и бессловесных рабов — вот что скрывалось за широко известным афоризмом Гимmlера «Восток отныне принадлежит СС».

Вернувшись из своего вояжа в Берлин, рейхсфюрер, по свидетельству американского журналиста Александра Верта, доложил Гитлеру, что «80—90 процентов жителей Харькова должны быть подвергнуты последовательному и методичному уничтожению и что соответствующие распоряжения им сделаны»¹.

Фашистский террор в Харькове начался...

СВЕРШИТСЯ ЛИ ВОЗМЕЗДИЕ?

В горькой памяти человечества немало кровавых, опустошительных войн. Но ни одна из них не заканчивалась привлечением военных преступников к уголовной и моральной ответственности.

Своды законов, римское и международное право оказались бессильными: они не предусматривали в своих нормах ответственности за военные преступления. Ибо разве можно было предугадать злодеяния в столь чудовищных масштабах, какие творил фашизм на захваченных территориях?

В кошмарном аду концлагерей, на пепелищах сожженных городов, у свежесасыпанных братских могил родилась вера в неотвратимость правого суда. Того суда, который не только предъявит счет всего человечества, но и станет грозным предупреждением на будущее.

Выражая волю советских людей, надежды поработенных народов Европы, Советское правительство с первых же дней войны заявило о том, что ни один фашист не должен уйти от наказания.

Иную позицию занимали наши союзники.

---

¹ Верт А. Россия в войне, 1941—1945.— М : Прогресс, 1967.

Перед своей поездкой в Москву в декабре 1941 года министр иностранных дел Великобритании Иден имел обстоятельную беседу с премьер-министром Черчиллем. Предполагалось, что в предстоящих переговорах будут обсуждены две проблемы — совместные действия советских и английских войск и концепция послевоенной организации мира. Безусловно, в ходе обмена мнениями возникнет вопрос о привлечении к ответственности военных преступников. Поэтому, готовясь к беседе с премьер-министром, Иден провел ряд консультаций с ведущими юристами-международниками. Их общее мнение сводилось к тому, что процедура суда должна быть отвергнута как совершенно несостоятельная с юридической точки зрения. В 1939 году, когда началась вторая мировая война, не было закона об уголовной ответственности за развязывание агрессивных войн. Как же можно судить за то, чего нет в законе? Ведь это было бы нарушением основного правового принципа «*nullum crimen sine lege*», то есть «нет преступления без закона». В международном праве имеется также доктрина иммунитета глав государств, в соответствии с которой руководитель страны может быть осужден только своим, национальным судом. Если же главы государств не привлекаются к судебной ответственности, то на каком же основании можно судить и карать исполнителей — генералов, офицеров, солдат, которые выполняли приказы своих непосредственных начальников? Ведь каждый солдат, говорили юристы, носит «свое уголовное уложение в собственном ранце», то есть, преступление, если оно и совершено им, подлежит юрисдикции его страны.

В ходе беседы руководителя Форин оффис с премьер-министром были обсуждены не только юридические аспекты проблемы. Экскурс в прошлое также свидетельствовал о том, что история войн, как бы жестоки и кровавы они не были, не знала процедуры наказания виновников преступлений¹. Разве судили короля гуннов Аттилу, опустошившего

---

¹ Пшибыльский П. Между виселицей и амнистией.— М.: 1985.

Галлию и разрушившего Рим? Или Тамерлана, оставившего за собой пирамиды человеческих черепов? Или крестоносцев, устроивших массовую резню в Иерусалиме?

Правда, после первой мировой войны, унесшей десять миллионов человеческих жизней, страны-победительницы сделали попытку привлечь к судебной ответственности правящую верхушку кайзеровской Германии. Кайзеру Вильгельму, травившему английских и французских солдат ипритом и люизитом, было предъявлено обвинение в «оскорблении международной морали и священной силы договоров». Был даже составлен список военных преступников, включавший около девяносто высших руководителей армии и флота. Среди них были и Тирпиц, и Гинденбург, и Людендорф. Все они, в соответствии со статьей 227 Версальского договора, обвинялись в действиях, нарушающих законы войны, в издевательствах над военнопленными, в угоне гражданского населения на принудительные работы в Германию. По сути же, никто из военных преступников наказан не был, а сам кайзер Вильгельм бежал в Голландию и мирно прожил в стране тюльпанов до глубокой старости.

Войны, считал Черчилль, должны заканчиваться контрибуциями, репарациями, изменением границ, но отнюдь не судебными процессами. Конечно же, не судьба Гитлера и его клики беспокоила премьер-министра Великобритании. Не раз заявлял он, что не задумываясь повесил бы главарей третьего рейха на одной перекладине. Но, будучи опытным и дальновидным политиком, он более всего опасался, что открытые суды неминуемо вызовут в европейских странах мощные антифашистские движения, способные со временем перерасти в прокоммунистические. А это может привести к дестабилизации послевоенного мира, к усилению роли и влияния Советского Союза. Такова была действительная подоплека позиции британского правительства. Ссылки же на исторические традиции и на отсутствие соответствующих норм в международном праве были лишь дипломатическим прикрытием в последующих переговорах.

В канун Рождества, в декабре 1941 года, Иден посетил Москву. Погруженная в темноту, как и все прифронтовые города, советская столица ликовала. Мощное контрнаступление Красной Армии привело к разгрому гитлеровских полчищ под Москвой. Миф о непобедимости армий вермахта был развеян.

Английского министра иностранных дел по его просьбе повезли в район Клина, где еще недавно шли ожесточенные бои. Он видел руины зданий, сожженные деревни, трупы расстрелянных. На встрече с советскими руководителями Идену был задан вопрос об отношении Великобритании к наказанию военных преступников. Министр ответил коротко и сдержанно: «Правительство его величества считает нежелательным на данной стадии войны делать какие-либо заявления о применении репрессий».

Гарри Гопкинс жил в южном крыле Белого дома. Комната, которую он занимал, была исторической. Именно здесь был когда-то кабинет президента Авраама Линкольна. Здесь была подписана знаменитая Декларация об освобождении рабов. Но главным преимуществом было, конечно, то, что рядом находился овалный кабинет нынешнего хозяина Белого дома — президента США Франклина Делано Рузвельта.

Гопкинс, занимавший ранее пост министра торговли, с марта 1941 года стал специальным помощником президента. Рузвельт ценил ум и энергию Гопкинса, прорабатывал с ним важнейшие политические решения, привлекал к составлению своих программных выступлений.

Летом 1942 года Гопкинс положил на стол президента меморандум, в котором предлагалось создать международную комиссию для расследования зверств нацистов. По мысли помощника президента, в нее должны были войти представители разных стран: Алексей Толстой от Советского Союза, Альварес дель Вайо от Испании, Карло Сфорца от Италии и другие известные всему миру люди. В функции комиссии

входили бы опрос свидетелей, выявление виновников преступлений и подготовка докладов.

Рузвельт одобрил предложение Гопкинса. Во время визита Черчилля в Соединенные Штаты меморандум был передан ему для ознакомления. Ответ премьер-министра был сух и категоричен: «Предложение о каком-либо международном суде для наказания военных преступников должно быть решительно отклонено».¹

Между тем, в конгрессе США все чаще раздавались голоса, требующие привлечения нацистов к судебной ответственности. Особенно резко и прямо высказался конгрессмен Т. Лейн. Каждый немец, заявил он, ответственный за пытки и казни гражданского населения, в ранге от Гитлера и Гимmlера вплоть до непосредственных исполнителей, должен быть предан суду.

Но в американском парламенте многие выступали против Лейна и тех прогрессивных общественных деятелей, которые разделяли его позицию.

26 сентября 1942 года перед колоннадой святого Петра в Ватикане остановился черный «плимут» с американским флажком на радиаторе. В апартаментах Борджа, расписанных великим Пинтуриккьо, персонального представителя президента США Майрона Тэйлора принял кардинал Мальоне².

Перебирая сухими холодными пальцами янтарные четки, кардинал молча слушал американского посла.

— Цивилизованный мир с упованием и надеждой обращает свои взоры на святого отца, — говорил Тэйлор. — Его слово могло бы сдержать обезумевших нацистов. Человеческий разум отказывается верить в то, что сейчас творится в Европе. Женщин и детей душат в газовых камерах, из

---

¹ Лебедева Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса. — М.: Наука, 1975.

² Шейнмац М. М. От Пия IX до Павла VI — М.: Наука, 1979.

человеческих тел варят мыло, из костей приготавливают удобрения.

— Мы не располагаем такими сведениями, — сказал кардинал. — Да и у вас, пожалуй, нет достаточно проверенной и точной информации. Может быть, это просто домыслы, распространяемые красной пропагандой. Святой отец не склонен доверять этим слухам. А его обращение к немецким властям, не подкрепленное фактическими данными, лишь озлобит тех, кого вы обвиняете. И это сделает положение жертв, если таковые имеются, еще более тяжкими.

— Но преследованиям подвергаются миллионы людей, в том числе и католики, — не сдавался Тэйлор. — Неужели наместник всемогущего господа может оставаться равнодушным к их страданиям?

Кардинал Мальоне, казалось, ожидал этого вопроса.

— Если святой престол открыто осудит Германию, — сказал он, — мы тем самым отвернемся от тех сорока миллионов католиков, которые проживают в Германии. А ведь еще апостол Павел говорил: нельзя одновременно сидеть за столом господа нашего Иисуса и за столом его врагов.

Германия пользовалась особой благосклонностью папы Пия XII. В течение семнадцати лет он, тогда еще Эрнесто Пачелли, был папским нунцием в Берлине и Мюнхене. «Мы всегда любили эту страну, где имели возможность провести многие годы нашей жизни», — неоднократно, с ностальгической улыбкой говорил святой отец. Пий XII свободно говорил по-немецки, его секретарями были вывезенные из Германии отцы-иезуиты Лейбер и Гентрих и даже его любимые персидские кошки носили немецкие имена — Петер и Митци.

Кардинал Мальоне был, безусловно, осведомлен о пронемецкой ориентации Пия XII. Вежливо выслушав американского посла, он поднялся с кресла, давая тем самым знак, что аудиенция окончена.

— Ваши слова я доведу до сведения святого отца, — сказал он, прощаясь с Тейлором. — Но передайте президенту Рузвельту, что в этот тяжкий час всем нам надлежит объ-

единиться против коммунизма и атеизма, этих закостенелых воинов сатаны.

Кардинал доложил папе о своей беседе с посланцем.

— Мы не должны осуждать германский народ. Это великий народ, который жертвует собой в борьбе против безбожного коммунизма, — сказал папа Пий XII, пастор 340 миллионов католиков.

„МАЛЮТКА ГРЕТЕЛЬ“

У каждого чудовищного изобретения, рожденного в третьем рейхе, был свой «автор»: укол фенола в сердце впервые произвел оберштурмфюрер СС Эмбрэдд, способ использования выхлопных газов автомобиля для удушения людей придумал унтерштурмфюрер СС доктор Беккер.

В Николаеве за бокалом мозельского в офицерском клубе Беккер рассказал о своей идее Хейнцу Шуберту. Беккер очень дорожил своей дружбой с Хейнцем. И не потому, конечно, что тот был потомком великого композитора. Шуберт, являвшийся заместителем командира айнзатцгруппы «Д» Отто Олендорфа, был в глазах Беккера идеальным воплощением нордической расы — решительным и безжалостным к врагам. Вместе с Хейнцем Беккер принимал участие в нескольких карательных акциях в Херсоне и Николаеве и был восхищен четкостью и порядком их проведения.

Шуберт назвал идею Беккера гениальной и немедленно сообщил о ней в управление. И через две недели, покинув этот грязный русский город, доктор Беккер уже находился в шикарном берлинском отеле «Адлон» среди экзотических пальм, старинных гобеленов и огромных зеркал в массивных бронзовых рамках.

Каждое утро за ним заезжал коричневый «оппель» и отвозил на завод «Зауэр», где в экспериментальном цехе шла

сборка «малютки Гретель» — так Беккер и инженер Хюбнер в шутку называли первый образец «газвагена».

Несколько раз на завод приезжал оберштурмфюрер Рауф, торопил со сроками. Беккер и Хюбнер работали как звери, по десять часов в день. Пробовали разные варианты отвода газов, меняли уплотнительные прокладки в кузове. К концу октября «малютка Гретель» была готова. Испытание намечено было провести в концентрационном лагере Заксенхаузен.

Лагерь находился неподалеку от Берлина. Он был одним из первых шести концлагерей, построенных нацистами еще до войны. Первые бараки за колючей изгородью были возведены в те дни, когда на берлинском стадионе фюрер приветствовал участников Олимпиады 1936 года.

В системе концентрационных лагерей Заксенхаузен занимал особое место как опытная база, где обучались своему ремеслу блокфюреры, рапортфюреры и коменданты других лагерей. На узниках Заксенхаузена проводились различные испытания — опробывали новые образцы гранат, заражали желтухой и сыпным тифом. Патологоанатомическое отделение лагеря поставляло университетам и медицинским учреждениям скелеты и черепа погибших.

Начальник лагеря был предупрежден о предстоящей проверке «газовой машины». Когда коричневый «опель», а вслед за ним неповоротливая «малютка Гретель», зловеще фыркая, въехали на территорию Заксенхаузена, на асфальте уже были выстроены отобранные охранниками заключенные.

Ждали оберштурмфюрера Рауфа. Пошел дождь. Беккер, Хюбнер и еще несколько офицеров спрятались под навес.

Шеренга заключенных стояла прямо перед ними.

Все они были из России — так распорядился Рауф, потому что на русских, как он сказал, действие Гаагской конвенции не распространяется. Для эксперимента были отобраны узники разного пола и возраста, чтобы потом сделать выводы о времени, необходимом для эффективного действия газа.

Дождь усилился. Молодые мужчины, видимо, военнопленные, стояли сурово и молча. Дети стали плакать. Женщины, промокшие насквозь, пытались укрыть их от ливня каким-то тряпьем.

Наконец появился черный «мерседес». Не выходя из машины, Рауф сделал знак начальнику лагеря. «Малютка Гретель» развернулась. Охранники открыли железные двери кузова, стали заталкивать туда заключенных. Беккер вскочил в кабину «газвагена» и, едва погрузка закончилась, дал команду отъезжать. Шофер нажал на акселератор. Рауф, сняв перчатку, взглянул на часы. Вся операция заняла тринадцать минут...

Результаты испытания «малютки Гретель» обсуждались в кабинете Рауфа на следующий день. Оберштурмфюрер сделал ряд замечаний. Для быстрой разгрузки было бы желательно, сказал он, вмонтировать подвижной поддон или же разработать механизм опрокидывания кузова. Кроме того, в кузове должно быть электроосвещение, ибо, когда закрывают двери и наступает темнота, «груз» тянется к свету, и начинает стучать в двери. В целом же, испытания прошли успешно и заводам «Зауэр» и «Даймлер» уже дано указание немедленно приступить к серийному производству «автомобилей для перевозки нежелательных элементов». Так теперь в технической документации назывались машины доктора Беккера.

Беккер и Хюбнер подписали акт испытаний, оставили расписки о неразглашении государственной тайны и отметили завершение работы шумной попойкой в одном из берлинских ночных кабаков.

Наутро Беккер должен был уехать в свою часть. Но коричневый «опель», подъехавший к отелю «Адлон», повез его не на вокзал, а снова на Принцальбрехштрассе, 8.

Рауф встретил Беккера с приветливой улыбкой.

— Вашим изобретением, — сказал он, — заинтересовалось наше ведомство, занимающееся переселением евреев. У них,

как вы понимаете, очень много пассажиров для ваших машин. Так что желаю удачи.

Отдел IV В 4, которым руководил оберштурмбанфюрер СС Эйхман, размещался в отдельном здании на Курфюрстенштрассе, 116. Вместе с сотрудниками отдела Беккер составил план испытаний, которые было намечено провести в концентрационном лагере вблизи польского городка Хелмно-на-Нере. Туда были направлены три машины — кроме «малютки Гретель» на заводе «Даймлер» успели собрать еще две. Испытания продолжались почти всю неделю, машины делали по пять-шесть рейсов в день.

Вот что рассказал об этом на Нюрнбергском процессе помощник главного обвинителя от Советского Союза Л. Н. Смирнов:

«Нагруженные людьми автомашины, прибывшие в лагерь, останавливались перед особняком. К прибывшим обращался с речью представитель зондеркоманды. Он убеждал их в том, что они едут работать на Восток. Обещал справедливое к ним отношение властей и достаточное питание, объяснял, что перед отъездом они будут купаться, а одежда будет дезинфицироваться. Со двора людей провожали в теплый зал, находящийся во втором этаже особняка. Там они раздевались и в одном белье опускались вниз, проходили через коридор, на стенах которого были вывески: «К врачу», «В купальню». Стрелка у надписи «В купальню» вела к входным дверям. Выходящим из коридора во двор евреям немцы объявляли, что в купальню поедут на крытой автомашине. На самом деле вблизи выхода из коридора большая автомашина с дверью в задней стене была так установлена, что выходящие из особняка люди попадали прямо на лестницу, ведущую внутрь автомашины. Погрузка происходила быстро. В коридоре и у автомашины находились жандармы. Криками и ударами они заставляли людей быстро заходить в автомашину. После этого двери тщательно запирались. Шофер включал мотор...»

Машины направлялись в соседний лес и останавливались у заранее вырытых ям. «Лесная команда», составленная из заключенных с кандалами на ногах, производила разгрузку. Золотые зубы, кольца и серьги сдавались охране. Через каждые два-три дня рабочих «лесной команды» убивали и заменяли новыми.

В один из дней в Хелмно прибыл сам оберштурмбанфюрер Эйхман в длинном кожаном пальто. «Расовый тип нордически-динарский», как было записано в его характеристике. В отличие от Рауфа Эйхман лично ознакомился с новым методом казни.

Беккера представили Эйхману. Никаких следов душевного волнения на холодном аристократическом лице оберштурмбанфюрера не было заметно. Эйхман поблагодарил доктора Беккера от имени фюрера за изобретение.

С чувством глубокого удовлетворения Беккер возвращался в свою часть. Теперь уже не в Николаев, а в Симферополь, куда за это время была переброшена айнзатцгруппа Отто Олендорфа.

МАШИНЫ СМЕРТИ

Рапорты об эксплуатации «газвагенов» поступали на Принцальбрехштрассе, 8, в комнату № 2—Д—3—а, являющуюся служебным кабинетом оберштурмфюрера Вальтера Рауфа. Все они доставлялись спецпочтой и имели пометку: «Geheime Reichsache», что означало высшую степень секретности.

В соответствии с приказом Гейдриха, на Рауфа была возложена ответственность за производство и использование этих автомашин. За два месяца на заводах Зауэра, Даймлера и Бенца было изготовлено уже несколько десятков передвижных газовых камер. Все они предназначались для России.

На географической карте Рауф собственноручно отмечал, сколько и куда отправлено машин: Ровно, Киев, Минск,

Рига, Краснодар... К январю 1942 года «газвагены» имелись в распоряжении всех айнзатцгрупп. И все же машин не хватало...

Гауптштурмфюрер Трюге сообщал из Белоруссии:

«Три газовых автомобиля... недостаточно. Я прошу, чтобы прислали еще один газовый автомобиль (пятитонку). В то же время я прошу, чтобы доставили двадцать газовых труб для трех автомашин, которыми мы располагаем, так как имеющиеся трубы уже пропускают газ».

Доктор Беккер, переезжая из одной айнзатцгруппы в другую, посылал Рауфу подробные отчеты об эксплуатации «газвагенов»:

«У машины «Зауэр», которую я перегонял из Симферополя в Таганрог, в дороге испортилось тормозное устройство. В ремонтной мастерской зондеркоманды в Мариуполе установили, что в нескольких местах произошла поломка манжетки комбинированного масляно-пневматического тормоза... Когда несколько дней спустя я побывал в Сталино и Горловке, водители автомашин жаловались на такие же повреждения. Для каждой из этих машин будет сделано по две манжетки, шесть манжеток будут отосланы унтерштурмфюреру Эрсту в Киев». ¹

Беккер крайне озабочен тем, что ремонт в кустарных условиях отнимает много времени и машины вынуждены простаивать. Он предложил организовать производство запасных частей в Берлине. Это было бы дешевле и значительно увеличило производительность машин.

Было выявлено немало технических неполадок, на которые доктор Беккер указывает в своих рапортах. Но всему виной не дефекты конструкции, а ужасающее состояние русских дорог. Уплотняющие прокладки ослабевают от постоянной тряски, происходит разгерметизация кузова, просачивается газ.

---

¹ СС в действии: Сб. документов и материалов.— М.: Прогресс, 1969.

«Люди жаловались мне на головные боли, наступавшие после каждой разгрузки машины. Тем не менее не хотят отступать от этого порядка, так как боятся, что заключенные, привлеченные к этой работе, могут использовать благоприятный момент для побега» — сообщает Беккер своему шефу.

Во многих городах, где побывал Беккер, водители не всегда придерживались разработанной им инструкции. Чтобы как можно скорее закончить процедуру, шоферы нажимали акселератор до отказа. Вследствие этого казнимые умирали от удушья, а не от отравления, как это было предусмотрено. При правильном положении рычага управления заключенные «впадали в глубокий сон».

Там, где в карательных акциях айнзатцгруппы «Д» принимал участие сам «изобретатель», машины работали безотказно. Не выходили из строя манжетки, когда в «газваген» погрузили больных детей из высокогорного санатория «Темберда». Не пропускали газ отводные трубы при уничтожении 660 больных Ставропольской психиатрической больницы. В полном порядке были уплотнительные прокладки у всех трех машин, в которых «мирно впали в глубокий сон» 6700 жителей Краснодара.

Один из них, Иван Иванович Котов, случайно оказался на территории Краснодарской городской больницы в тот момент, когда шла погрузка больных в «газвагены». «Немец, стоявший у машины, с непонятными мне выкриками, бросился на меня, схватил сзади за воротник пиджака и втокнул меня в машину... Там уже находилось много людей. Сколько их было, не могу сказать. Здесь были мужчины и женщины. В машине было очень тесно. Люди стояли, прижавшись друг к другу. В машине стояли стоны, крик, плач, люди совершенно обезумели... За мной в машину были брошены еще человек пять, после чего дверь захлопнулась, и через несколько минут машина двинулась с места. Во время движения я почувствовал, что начинаю задыхаться. Я сорвал с себя рубашку, смочил ее мочой и закрыл ею рот и нос...»

Ему удалось спастись. Это был, пожалуй, единственный

случай, когда человек, брошенный в газовый автомобиль, смог обмануть смерть и остаться живым. Но доктор Беккер уже не узнал об этом. Его последний рапорт Рауфу, получившему к тому времени чин штандартенфюрера СС, датирован 16 мая 1942 года. «Сегодня я продолжу свою инспекционную поездку и посетю группу «В», где я смогу получить дальнейшие сведения», — писал он в главное имперское управление безопасности из Киева. Но Беккер не доехал. Партизанская граната поставила точку в так блестяще начавшейся карьере «изобретателя». «Дело» было налажено, десятки машин ползли по дорогам России. По распоряжению рейхсфюрера Гимmlера несколько «газвагенов» было направлено в Донбасс и Харьков.

Саперный батальон, в котором служил солдат Карл Кош, был дислоцирован в районе донецкого городка Волновахи. Однажды, выйдя на шоссе, Кош увидел большой, странного вида автомобиль. «Я принял его за тюремный или почтовый. Автомобиль остановился возле меня. Из кабины шофера вышел унтершарфюрер, подошел ко мне, закурил папиросу, и я заметил, что он слегка навеселе. Я обратился к нему с вопросом — не может ли он меня подвезти. Он засмеялся и, подойдя вместе со мной к задней двери автомашины, заявил: «Ну, что ж, полезайте, здесь места хватит для многих». Когда он открыл дверь, оттуда понесло отвратительным запахом. Машина была совершенно пустой. И в этот момент я подумал, что, вероятно, это и есть тот «газовый автомобиль», о котором я раньше слышал. Я сказал: «Что же, вы хотите меня на этой машине прокатить в небеса?» Унтершарфюрер внезапно умолк, стал серьезным и спросил: «А что вы знаете об этой машине?» Я ответил, что о газовом автомобиле я много слышал. Унтершарфюрер ответил, что это действительно газовый автомобиль, но я никому об этом не должен говорить, так как все, что связано с этой машиной, держится в строгой тайне».

Потом Кош видел на шоссе еще несколько таких машин. «Газвагены» шли на Харьков...

ДВА УКАЗА

---

5 ноября 1942 года посол Великобритании в СССР Арчибальд Кларк Керр направился в Кремль.

К тем вопросам, которые Керр намеревался обсудить с главой Советского правительства, неожиданно добавился еще один. Накануне все центральные газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о создании Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. В Указе говорилось, что комиссия должна организовать сбор документальных данных о насилиях, зверствах, разрушениях и других преступлениях гитлеровцев на освобожденных территориях с целью выявления виновников преступлений и привлечения их к уголовной ответственности.

Союзные державы до сих пор еще не выработали единого мнения о наказании военных преступников. И вообще, не преждевременно ли говорить о предстоящем суде в тот час, когда гитлеровские армии стоят у ворот Сталинграда, а шесть советских республик полностью оккупированы?

Длительная беседа в Кремле убедила Керра, что Советское правительство ни в коей мере не намерено отказаться от идеи судебного наказания военных преступников, а создание Чрезвычайной комиссии рассматривается в Москве как первый практический шаг, который должен свидетельствовать о неотвратимости возмездия.

Подробно информируя свое правительство о состоявшейся встрече, посол его величества сообщил, что в ходе беседы он снова высказал точку зрения Лондона: наказать главных военных преступников совместным политическим решением союзников, а не судить их международным трибуналом, на чем настаивает советская сторона. Однако Кремль с его аргументами не согласился.

Создание Чрезвычайной государственной комиссии вновь вызвало в мире волну дебатов. Лорд Эддисон, выступая в

английском парламенте, высказал мысль, которую разделяло большинство политиков из правящей партии тори, что он совершенно уверен в том, что если суд будет наказывать военных преступников, мир столкнется с серией длительных процессов, идущих один за другим, которые в конце концов вызовут чувство отвращения и омерзения у любого человека.

Иную точку зрения защищал в Вашингтоне конгрессмен Селлер, который заявил, что созданием комиссии по расследованию военных преступлений Россия показала серьезность своих намерений и эта акция требует от правительства Соединенных Штатов определенных действий.

Споры и обсуждения продолжались, а Чрезвычайная государственная комиссия приступила к своей работе. Председателем ее был назначен Николай Михайлович Шверник, секретарь ВЦСПС. На второй день Великой Отечественной войны П. М. Шверник возглавил Совет по эвакуации. В невиданно короткие сроки предстояло вывезти на Урал и в Сибирь сотни крупных предприятий, десятки тысяч людей. Днем и ночью работал штаб Шверника, делая все для того, чтобы спасти от врага то, что таким трудом было создано в годы первых пятилеток.

Помимо Николая Михайловича в состав комиссии вошли известные всей стране люди: гидроэнергетик Б. Е. Веденеев, в прошлом главный инженер Днепрогэса, выдающийся хирург, один из организаторов советского здравоохранения Н. П. Бурденко, видный историк Е. В. Тарле, писатель А. Н. Толстой, летчица Герой Советского Союза В. С. Гризодубова, директор Института права АН СССР И. П. Трайнин, митрополит Киевский и Галицкий Николай и другие представители советской общественности.

Из освобожденных районов в комиссию стекались тысячи документов о чудовищных преступлениях гитлеровцев на советской земле: акты, протоколы допросов, заявления потерпевших, фотоснимки, заключения медицинских экспертов. Итоги грандиозной работы, проделанной ЧГК, будут

впоследствии предъявлены Международному трибуналу в Нюрнберге: 4 миллиона актов об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками, который составил 679 миллиардов рублей.

Члены комиссии часто выезжали в отбитые у врага города и деревни. Ранней весной 1943 года, после успешного завершения Ржевско-Вяземской операции, Н. М. Шверник поехал в только что освобожденные Ржев и Гжатск. Оба старинных русских города лежали в развалинах. Школы, больницы, фабрики — все было превращено в руины. На улицах лежали обезображенные трупы женщин и детей.

Потрясенный увиденным, помрачневший и осунувшийся, Николай Михайлович рассказал о своей поездке на заседании комиссии. Говорил он негромко, медленно, внезапно оборвал себя на полуслове и молча положил на стол папку с привезенными документами и фотоснимками.

— Ни бог, ни люди никогда не простят этим продам, — еле слышно произнес митрополит Николай.

Толстой, опустив голову, механически приминал пальцами табак в трубке.

— Такого одичания и озверения не было среди людей с тех пор, как они вышли из пещер, — сказал он. — Я спрашиваю себя: неужели человек может так издеваться над человеком? — Он помолчал и потом резко произнес: — Человек — нет, фашист — может.

— В этой страшной папке, — сказала Гризодубова, — столько человеческого горя, столько страшных фактов, что их хватит не на один, а на десятки судебных процессов. Почему мы только говорим о возмездии?

— Ваше нетерпение, Валентина Степановна, можно понять, — вмешался академик Трайнин. — Я разделяю ваши чувства. Но, поймите, у нас сегодня еще нет закона, на основании которого мы могли бы привлечь к уголовной ответственности солдата или офицера вражеской армии.

— Значит, должен быть такой закон, Илья Павлович! И здесь первое слово за вами, юристами.

— Этих подлецов нужно засадить на скамью подсудимых немедленно, не дожидаясь конца войны,— поддержал Гризодубову академик Бурденко.

— Проект такого закона подготовлен,— ответил Трайнин.— Он находится в правительстве.

19 апреля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ, в соответствии с которым дела о преступлениях немецких оккупантов должны рассматриваться советскими военными судами.

Пройдет немногим более полугода, и полковник юстиции Н. К. Дунаев, заканчивая свою обвинительную речь на Харьковском процессе, сошлется на этот правовой акт: «Я обвиняю Рецлава, Рица, Лангхельда и Буланова в преступлениях, предусмотренных частью I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года...»

Но пока что эти слова еще не прозвучали. Еще творят свои черные дела фашисты в оккупированном Харькове. Еще никто не знает, где и когда состоится первый судебный процесс.

В АВГУСТЕ СОРОК ТРЕТЬЕГО

Если бы еще в начале августа сорок третьего года кто-нибудь сказал штурмбанфюреру Краннебиттеру, что русские возьмут Харьков, он бы лично всадил пулю в этого паникера. Несмотря на то, что фронт с каждым днем приближался к городу, фюрер приказал любой ценой удерживать «восточные ворота Украины». В бой были брошены самые надежные части, которые должны были во что бы то ни стало сдерживать контрнаступление русских.

Но когда в генеральный округ Харьков пришел секретный приказ Гимmlера № 174/43, Краннебиттер понял, что это конец. В директиве рейхсфюрера говорилось: «Необходимо добиться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались

в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая не была бы выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен прийти действительно тотально сожженную и разрушенную страну».

Краннебиттер умел читать документы между строк. Да и любому дураку было бы ясно: написать так мог лишь тот, кто окончательно утратил надежду не только отстоять город, но и когда-нибудь вернуться туда.

Наступление русских развивалось стремительно. Полностью выполнить приказ рейхсфюрера зондеркоманда Краннебиттера уже не имела возможности. В последние дни перед отступлением взорвали уцелевшие корпуса тракторного завода, расстреляли 500 человек в Подворках, заминировали ряд крупных зданий. На большее времени уже не осталось: нужно было спасать свою шкуру.

Когда начальник гаража СС Меерац прибыл по вызову Краннебиттера на Сумскую, 100, он почувствовал себя словно на тонущем корабле. Сбивая друг друга с ног, по коридорам метались начальники отделов и рефератов. Солдаты спусили по лестницам железные ящики с документами. Захлебываясь, трезвонили телефоны. Из подвала доносились глухие выстрелы — это добивали последних арестованных.

— Послушайте, Меерац, сколько у вас в гараже «газвагенов», — спросил Краннебиттер, едва начальник гаража вошел к нему в кабинет.

— Шесть, господин штурмбанфюрер.

— Я могу вам выделить три платформы. Остальные отправьте своим ходом. Негодные — уничтожить. Чтобы ни одна машина не попала в руки русских. Вы поняли, Меерац? Отвечаете головой. Надеюсь, вы не забыли о приказе фюрера?

Меерац помчался в гараж. Тот приказ, о котором говорил Краннебиттер, пришел в сорок втором году. Речь шла о каком-то шарфюрере СС, который в Минске, по пьянке, болтал в присутствии русских о газовом автомобиле. Он был

тут же схвачен и расстрелян. Фюрер приказывал впредь держать эти машины в строгой тайне. Виновные в разглашении подлежали смертной казни.

Все распоряжения начальника харьковской зондеркоманды Мееранц выполнил. Три машины системы доктора Беккера были отправлены на товарную станцию, две пошли на Мерефу, вслед за отстающими частями. Тот «газваген», в котором заглох двигатель, он приказал отбуксировать в лес и уничтожить.

Шофер гаража Буланов привязал трос к грузовику, сам сел в кабину «газвагена», а грузовик повел механик Карл. Едва выехали за город, Карл свернул с шоссе и остановился на небольшой поляне.

— Шнель, шнель! — кричал он Буланову.

Буланов схватил канистру с бензином и побежал к «газвагену», а Карл отцепил трос и отъехал на шоссе.

Торопясь, Буланов стал обливать машину бензином. Затем, отбежав метров на двадцать, швырнул одну за другой две гранаты. Раздался взрыв. Черно-багровое пламя взметнулось к небу. Когда он вышел из посадки, грузовика на шоссе уже не было.

Проклиная Карла, Буланов только к вечеру добрался до города. Ворота гаража были распахнуты настежь. Ни машин, ни водителей — все было пусто. А ведь Мееранц, подлец, обещал взять его с собой. Смылись подлые фрицы, бросили как последнюю шавку. Вот она, награда за его службу... Куда бежать, что делать? Ведь схватят же, схватят и убьют. Подгибались ноги, на лбу выступил пот. Он едва добрался до своего дома, рухнул на койку. Грохот артиллерийской канонады становился все ближе и ближе. Утром мимо окон, грохоча гусеницами, уже шли советские танки.

Несколько дней Буланов отсиживался в своей камерке. Голод в конце концов выгнал его на улицу.

На Пупкинской бригада ремонтников, в основном жепщицы, расчищала трамвайные пути. Он подошел к бригадиру, напел ему, что был в плену. Рабочие руки были

нужны, его взяли, выдали хлебную карточку. Булапов носил шпалы, копал ямы под столбы — работой его были довольны.

Бригада все время пополнялась. Одна из новеньких, женщина лет сорока с землистым, серым лицом, подошла к нему и вдруг схватила его цепкими пальцами за лацканы пиджака.

— Попался гад! — крикнула она хрипло. — Эй, бабы! Сюда! Этот подонок на душегубке работал! Шкура!

Он вырвался, растолкал женщин, бросился бежать.

— Держите его!

Кто-то подставил лом. Буланов грохнулся на мостовую.

Подбежавшие женщины окружили его плотным кольцом, не давая подняться.

ГОЛОС ТОЛСТОГО

---

5 сентября в Харьков на военно-транспортном самолете прилетел член Чрезвычайной государственной комиссии писатель Алексей Николаевич Толстой.

Вместе с членами областной комиссии по расследованию злодеяний фашистов он стоял на краю огромной ямы, заваленной полуистлевшими трупами.

Красноармейцы переворачивают лопатами останки погибших. Армейские медики отбирают трупы для экспертизы. А он молча смотрит в эту бездну человеческого горя.

Немало ужасов довелось повидать ему на своем веку. Еще в первую мировую как военный корреспондент Толстой извездил сотни верст по Волыни и Галиции. Видел и кровь, и вывороченные внутренности, и умиравших в полевых лазаретах русских солдат. Он был в Испании, где шла первая схватка с фашизмом, и до сих пор остались в памяти женщины и дети на мадридских тротуарах — жертвы беспощадных обстрелов и бомбардировок. Но такого варварства, такого массового убийства, как здесь, в Дробицком яру, на окраине Харькова, ему не приходилось видеть.

В нацистских погромах и факельных шествиях Толстой еще в тридцатые годы предчувствовал приближение той великой беды, которая вот-вот навалится на народы Европы. На международных конгрессах и съездах Толстой предупреждал: «Я хочу, чтобы голос советского писателя был услышан, покуда не пришел роковой для Европы день, когда разум будет оглушен взревелими по всему фронту батареями, помрачен удушающими испарениями войны, ослеплен пожарами городов».

22 июня 1941 года Толстой дописал последнюю страницу своей трилогии «Хождение по мукам». В этот день началась война. Фашисты бомбили Минск и Киев, черная тень легла на нашу землю. В суровые и черные дни, когда враг стоял у стен столицы, его пророческие и мужественные слова: «Ничего, мы сдюжим!» разнеслись по всей стране.

«Он знал, когда и какое слово нужно фронту, какая тема самая животрепещущая, — вспоминал главный редактор газеты «Красная звезда» Д. Ортенберг. — Во многих полках и батальонах Алексея Николаевича зачисляли почетным солдатом и гвардейцем, присылали нам в редакцию на его имя красноармейские книжки и гвардейские значки. На имя Толстого открывали счет уничтоженных фашистов, орудий, танков, самолетов. От имени писателя давали по врагу залпы «катюш».

Пожалуй, нет ни одной статьи военных лет, в которой Толстой не говорил бы об ответственности фашистов за злодеяния на нашей земле. Он писал о «ночи длинных ножей» во Львове, о кровавых расстрелах в Белоруссии, о казнях военнопленных в Великих Луках. Теперь он расскажет всему миру о трагедии, которую пережил Харьков за два года фашистской неволи...

«По неполным данным, только в течение декабря 1941 года и января 1942 г. возле хутора Рогань, в 8 км от Харькова, в так называемом Дробицком яру, было расстреляно более 15 тысяч жителей города Харькова, — говорилось в акте ко-

миссии от 5 сентября 1943 года.— Факты ужасающих злодеяний над мирным населением подтверждены показаниями свидетелей, актом медицинской экспертизы и другими документальными материалами и засвидетельствованы на месте осуществления злодеяний академиком А. Н. Толстым... Установлено, что причиной смерти почти всех лиц, трупы которых были исследованы, является сквозное пулевое ранение с входным отверстием в затылочной части черепа. Это свидетельствует о том, что расстрел осуществлялся в затылок, с близкого расстояния».

К акту комиссии было приложено заключение судебно-медицинской экспертизы:

«В Дробицком яру есть два места погребения трупов. Первое место представляет собой узкий котлован длиной 100 метров, второе — 60 метров. В среднем в одном кубическом метре было 4—5 трупов. В карманах одежды некоторых трупов были найдены паспорта, профсоюзные билеты и трудовые книжки. Кроме того, были найдены бумажные деньги и облигации. При трупах находились также предметы домашнего потребления и личного пользования, как нитки, ножницы, пуговицы, очки, ложки, ножи, теннисный мячик, резиновая соска, расческа, термометр и т. д.»

К писателю подошла женщина, которая чудом осталась жива, выбравшись ночью из котлована мертвецов.

— Зовут меня Осмачко Анастасия Захаровна, живу я в Рогани, это несколько километров отсюда. В декабре, помню, услышали мы выстрелы. На другой, на третий день опять стреляют. Решили мы, несколько женщин, пойти посмотреть, что там делается. Я была с сыном Владимиром... Только вышли за село — немцы! Окружили нас и повели в поле. Мы упираемся, плачем, а они нас — прикладами и в балку голят. А там, возле ямы, людей расстреливают — и женщин, и малых детей... Они и нас поставили на край ямы, мы кричать стали, вырываться. Тогда несколько солдат наставили на нас автоматы и начали стрелять. Что дальше было — не

помню... Когда очнулась, слышу — еще стреляют и люди на меня падают. А я тихонечко шепчу: «Володя, Володя...»

На глаза ее накатились слезы. Она закрыла лицо руками и смолкла. Потом, справившись с собой, тихо сказала:

— А он рядом лежал, Володенька, сынок мой. Мертвый...

Всю дорогу от Рогани до центра города Толстой молчал. «Виллис», предоставленный ему военным комендантом, ехал по длинному, нескончаемому проспекту. Когда-то, видимо, здесь шумела жизнь, ездили трамваи. Сейчас все казалось вымершим: вывороченные рельсы, груды битого кирпича и стекла, поваленные электрические столбы. Сидевший рядом с Толстым молодой лейтенант показывал на остовы многоэтажных корпусов, на обгоревшие полуобвалившиеся стены:

— Это тракторный завод был... А это электромеханический... тоже, наверное, слышали... А вот справа — турбинный...

И у заводов, и у людей была одна судьба...

Вечером Толстой встретился с интеллигенцией города. Пришли люди в жалких обносках, с темными от голода и страданий лицами. Это были те, кому посчастливилось выжить.

Трудно было начать этот разговор — слишком много было пережито за эти страшные годы. Люди просто отвыкли от обычного человеческого общения, от громко сказанного слова.

Толстой это попял.

— У нас не совещание, не надо речей, — сказал он. — Расскажите мне правду о том, что было. Мы ведь только краешек земли своей отбили у Гитлера, и весь мир должен узнать, как вы жили. Рассказывайте так, как отложилось у вас в сердце.

— Вы сами видите, Алексей Николаевич, во что они превратили наш Харьков, — сказал профессор медицинского института Павел Федорович Ломакин. — Заводы, школы, вузы — все сожжено, все уничтожено. Как мы жили? Раба-

ми были... Любого могли избить, убить. Я был консультантом в железнодорожной больнице, на площади Фейербаха. Кто-то донес немцам, что среди больных есть красноармейцы. Приехали эсэсовцы, выволокли наугад двадцать молодых парней и тут же, во дворе, расстреляли.

Профессор Евгений Севастьянович Катков был заместителем начальника I армейского сортировочного госпиталя 69-й армии, который размещался на улице Тринклера. В марте сорок третьего немцы прорвали фронт и вновь овладели Харьковом. Госпиталь не удалось полностью эвакуировать.

— В палатах оставались сотни тяжело раненных, в основном с поражениями конечностей. 12 марта в госпиталь приехал немецкий офицер. Приказал нам сосредоточить всех раненых в одном корпусе. Сказал, что там будет госпиталь для русских. Мы перенесли туда всех больных. А назавтра подъехали эсэсовцы, оцепили этот корпус, облили бензином и забросали гранатами. Тех, кто пытался выскочить в окно, расстреливали из автоматов. На следующий день немцы снова приехали и стали обходить остальные корпуса. Там оставалось еще несколько десятков раненых, которых мы не успели перенести. Эсэсовцы заходили в палаты и добивали их. Либо стреляли в них, либо просто закалывали штыками. Впереди шел офицер, освещая фонариком все углы. Подходя к каждой кровати и, убедившись, что человек мертв, он говорил «капут» и шел дальше. Одного из раненых они распяли, прибив его гвоздями к стене госпиталя. Фотографировались возле него, хохотали...

За окнами сгустились сумерки. На стол, за которым сидел Толстой, поставили керосиновую лампу. Люди не расходились. Каждому хотелось высказать все, что накопилось в душе — о пытках, расстрелах, голоде.

— Около Благовещенского базара находилась небольшая бойня, — сказал профессор Л. П. Николаев. — Там всегда стояла толпа голодных людей. Время от времени дверь открывалась и окровавленный немец выволакивал чан с желудками

и кишками убитых животных. Все это он опорожнял на землю, а голодные женщины и ребятишки набрасывались на эти отбросы.

— Сколько ученых умерло в Харькове голодной смертью... Профессор Федоров с женой, доцент Пономарев, профессор Дыбский. Архитектор Бекетов тоже от голода погиб, Бурачек Николай Григорьевич, живописец известный. В сорок втором его похоронили...

— В университете свинарник был. Шолы паркетные выворачивали на растопку...

— У нас в обсерватории работали доцент Савран и научный сотрудник Страшный. Обоих расстреляли...

— Из музея все ценные картины вывезли. Там Веласкес был, Рубенс...

— В углехимическом институте хозяйничал некий Кюне. Называл себя доктором химических наук. Так перед отступлением этот доктор схватил автомат и стал расстреливать книги в институтской библиотеке...

Когда в комнате повисла тишина и лишь из затемненного угла время от времени доносились чьи-то приглушенные всхлипы, Толстой сказал:

— Можно ли назвать их зверями? Думаю, нельзя. Не надо обижать природу. Дикая звери жестоки, но не убивают для наслаждения убийством и не проливают крови себе подобных. Варвары? Но варвары не виноваты в том, что еще не поднялись на ступень цивилизации. То, о чем вы рассказали, и есть фашизм.

В последних числах сентября в Москве проходила сессия Академии наук СССР. На заключительном заседании член Чрезвычайной государственной комиссии академик Илья Павлович Трайнин выступил с докладом «Ответственность гитлеровской Германии за злодеяния и ущерб, нанесенный агрессией».

Вслед за ним на трибуну поднялся Алексей Николаевич Толстой.

— Я видел Харьков,— сказал он.— Таким, наверное, был Рим, когда через него прокатились орды германских варваров в V веке,— огромное кладбище. На месте города, на месте всех без исключения гигантских заводов — руины и пожарища.

«Слова падают мерно, веско, подчеркнутые многозначительными паузами, жесты сдержанны, голос несколько глуховат, но отчетливо доносит каждую фразу,— так вспоминал часто слышавший Толстого на публичных выступлениях В. Рождественский.— Ничего лишнего, ничего бьющего на внешний эффект. И только сдвинутые на лоб очки да пальцы, привычно перебирающие исписанные листки, выдают внутреннее волнение этого умеющего владеть собой человека».

— В Харькове я встретился с профессорами, инженерами, врачами, артистами,— продолжал писатель.— И они рассказали мне печальную повесть о двух годах фашистского ига. За зиму 1941—1942 годов в Харькове умерло от голода около ста тысяч человек, преимущественно интеллигенции. Немцы начали свое хозяйничанье тем, что в декабре 1941 года убили, свалив в ямы, поголовно все еврейское население, около 23—24 тысяч человек, начиная от грудных младенцев. Я был при раскопках этих ужасающих ям и удостоверюсь подлинность убийства, причем оно было произведено с чрезвычайной изощренностью, чтобы доставить жертвам как можно больше муки. Все эти люди были предварительно заперты в бараках без окон и печей и две недели в декабрьскую стужу не получали пищи; там многие сошли с ума; затем их партиями — человек по пятьсот вели сначала далеко по шоссе, затем по мрачному узкому оврагу и в конце его расстреливали над ямой, полной еще не закопанных трупов... Покончив с еврейским населением, гитлеровцы принялись за уничтожение русского и украинского населения Харькова. Они арестовывали, истязали и убивали...

Рассказ о трагедии Харькова Толстой закончил словами: — Я обвиняю гитлеровскую Германию в небывалых преступлениях, совершенных и совершаемых немцами в здравом уме и твердой памяти. Я требую возмездия!

Голос писателя был услышан.

Чрезвычайной государственной комиссией было предложено все имеющиеся в ее распоряжении материалы о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Харькове и Харьковской области передать Генеральному прокурору СССР для расследования и привлечения виновных к уголовной ответственности.

„ДАЖЕ НА КРАЮ СВЕТА...“

18 октября 1943 года на Центральном аэродроме Москвы, украшенном флагами трех великих держав, приземлился самолет, на борту которого находился министр иностранных дел Великобритании Антони Иден. Вслед за ним на американском бомбардировщике прибыл государственный секретарь Соединенных Штатов Америки Корделл Хэлл.

Эта была первая за войну встреча министров иностранных дел стран антигитлеровской коалиции. Конференция открылась на следующий день в доме приемов Наркоминдела, в бывшем особняке известного текстильного фабриканта и мецената Саввы Морозова.

В белом мраморном зале, где проходили пленарные заседания, конференции, обсуждались важнейшие проблемы координации военных и политических действий: открытие второго фронта и послевоенное устройство Германии. Последний вопрос был тесно связан с необходимостью выработать наконец согласованное решение о наказании военных преступников.

С того дня, когда в СССР был принят Указ о привлечении виновников массовых злодеяний к уголовной ответственности

ности, прошло ровно полгода. Но Запад продолжал воздерживаться от каких-либо официальных заявлений. С каждым днем это молчание вызывало все большее недоумение. Советские войска успешно продвигались вперед по всему фронту, и наказание военных преступников становилось теперь актуальной задачей дня.

В Вашингтон шли сотни петиций и телеграмм, требующих незамедлительного наказания нацистов. В личной переписке Рузвельта, опубликованной в 1950 году, есть письмо королевы Нидерландов Вильгельмины. От имени своей порабощенной страны королева обращалась к президенту США с просьбой по всей строгости закона наказать виновников жестоких преступлений с целью уничтожения корней фашизма. С аналогичными заявлениями выступили министры двух других оккупированных гитлеровцами государств — Норвегии и Люксембурга.

Как же реагировал на эти обращения Белый дом?

В конце июля 1943 года, в дни грандиозного сражения на Курской дуге, в Вашингтоне шло совещание ведущих сотрудников военного министерства и госдепартамента. Обсуждался вопрос о принципах работы с немецкими военнопленными. То, что среди попавших в плен могли находиться палачи и каратели, ничуть не волновало участников этого совещания. Шел обмен мнениями о том, как лучше использовать пленных офицеров и генералов вермахта в интересах США.

Представитель Пентагона полковник Виллокк сказал, что немецкие кадры могли бы быть использованы для укрепления престижа Америки и проведения ее политики в самой Германии после оккупации...

Сказано без всяких дипломатических иносказаний, с чисто военной прямолинейностью: нам понадобятся эти люди и об их нацистском прошлом следует забыть.

И они забудут...

Забудут о том, что штурмбанфюрер СС фон Браун был одним из тех, кто разработал самолеты-снаряды, которые

тысячами обрушивались на английские города. Этот «нужный человек» будет через несколько лет руководить производством американской ракетной техники.

Они забудут о том, что генерал-полковник Вальтер Дорнбергер получил из рук фюрера рыцарский крест за смертоносные «фау-1» и «фау-2». Он станет главным конструктором фирмы «Белл». Они укроют от справедливого возмездия тысячи фашистских палачей, помилуют приговоренных к смерти, досрочно выпустят из тюрем карателей и убийц.

Все это произойдет уже после смерти президента Рузвельта. А в сорок третьем, перед Московской конференцией, он лично участвовал в разработке проекта декларации об ответственности гитлеровцев за совершенные преступления.

В Москве, в ходе обсуждения этой проблемы, не раз вспыхивали острые и продолжительные дискуссии. В результате было принято решение отдельно рассмотреть процедуру наказания главарей третьего рейха, виновных не только в развязывании агрессивной войны, но и в составлении и осуществлении заговора против мира, а также тех, кто будет привлечен к ответственности за конкретные преступления на территории оккупированных стран.

Государственный секретарь США так писал впоследствии о своей позиции на Московской конференции: «Если бы все зависело от меня, я бы предал Гитлера, Муссолини, Тодзио и их основных сообщников военно-полевому суду». Возможно, эту точку зрения Хэлл и отстаивал в ходе пленарных заседаний конференции, но поддержки со стороны союзников он не получил.

Предложения Советского Союза о создании международного трибунала для суда над фашистскими преступниками на той стадии переговоров не были приняты. За осуществление этого проекта еще предстояла длительная и упорная борьба.

В окончательной редакции принятой Декларации было сказано, что руководители нацистской партии и германского рейха, «преступления которых не связаны с определен-

ным географическим местом... будут наказаны совместным решением правительств стран-союзников».

Острые дебаты происходили и на заседании, где обсуждался вопрос об ответственности непосредственных виновников массовых убийств. Советская сторона выступила против принципа экстерриториальности вооруженных сил неприятеля, на основании которого солдаты подлежат только юрисдикции своего государства. С этим можно было бы согласиться, если бы речь шла о нарушении устава или военных инструкций. Но ведь разбой, казни, репрессии против мирного населения являются именно уголовными преступлениями и должны караться в соответствии с законами тех стран, где они совершены.

Представители Великобритании и США не могли с этим не согласиться. После многочисленных изменений и дополнений окончательный текст «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства» был подписан руководителями трех великих держав. В этом историческом документе говорилось:

«...те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы... Пусть те, кто еще не обогрел своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзных державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки обвинителей с тем, чтобы могло свершиться правосудие».

Декларация была опубликована 2 ноября 1943 года. Это было грозное предостережение о неотвратимости расплаты. Правовое обоснование будущего судебного процесса, таким образом, было завершено. Закон, принятый в нашей стране, и совместное решение союзников давали Советскому Союзу

полное право привлечь к судебной ответственности виновников преступлений на временно оккупированных территориях.

Номер «Правды» с текстом Декларации подшил в свою папку следователь по важнейшим делам при Генеральном прокуроре СССР Константин Александрович Каверин. Он уже вел расследование по обвинению Лангхельда, Рица, Редлава и Булапова в зверствах над мирным населением Харькова и Харьковской области.

СКРИПКА И „ШМАЙССЕР“

— Скажите, Риц, какой у вас был чин в германской армии?

— Унтерштурмфюрер СС.

— Это соответствует званию лейтенанта?

— Да... Но прежде, господин следователь, я хотел бы сделать вам заявление. Я подданный другого государства и привлечь к ответственности меня может только германский суд. Помните, как у Шиллера в «Марии Стюарт»: иностранцы могут меня убить, но судить меня они не вправе.

Каверин почувствовал тяжелый комок, подступивший к горлу. Этот аэсовец в черном мундире, садист, расстрелявший сотни людей, еще рассчитывает на свою безнаказанность? Цитирует Шиллера...

— Нет, Риц,— сказал следователь как можно спокойнее,— вы и вам подобные творили зверства на нашей земле, мучали и убивали наших граждан и ответ вам придется держать по всей строгости нашего закона... А теперь расскажите коротко о себе.

Круглые птичьи глазки оживляются. Он говорит долго и весьма охотно. Переводчица едва поспевает за ним.

Родился в интеллигентной семье. Отец — профессор, крупный ученый, у него кафедра в университете. Родители дали Гансу прекрасное образование — он ведь единственный ребенок. В школе был первым учеником класса. Успевал по всем

предметам, но больше тянуло к гуманитарным дисциплинам. С детства учился музыке. Даже здесь, в Харькове, с ним была его скрипка — как жаль, что теперь она пропала! Окончил Кенигсбергский университет, у него диплом юриста. Если бы не война...

— Скажите мне как юрист: немецкая армия и вы лично соблюдали нормы международного права?

— Нет, господин следователь. Гитлер призывал к тотальному уничтожению русского народа, ни о каком праве не могло быть и речи. Гиммлер говорил: не ройтесь в законах и параграфах, приговаривать к смерти надо согласно своему арийскому чувству.

— Вы член национал-социалистической партии?

— Да... Хотя многие взгляды нацистов я не разделял... Но меня избрали председателем суда чести «гитлерюгенд», и я должен был вступить в партию.

— Какие функции выполняла часть, которой вы командовали?

— Я руководил ротой СС, которая была прикомандирована к «зондеркоманде».

— Чем конкретно занималась ваша рота?

Кусает губы, тербит усики, молчит.

— Говорите, Риц. Следствие располагает данными, что ваша часть и вы лично принимали участие в карательных акциях в Харькове и Таганроге. Давайте начнем с Харькова. Вы прибыли сюда в конце мая. Когда вы приняли участие в первом массовом расстреле?

— 2 июня... Утром мы поехали в эту деревню — Подворки или Надворки, точно не помню.

— Подворки.

— Накануне майор Краннебиттер, начальник «зондеркоманды», сказал, что там предстоит расстрел 3000 человек... Когда мы приехали, лесная поляна была уже оцеплена эсэсовцами. Посредине ее были вырыты ямы. Прибыли машины с заключенными. Их разделяли на небольшие группы и проводили к ямам. Расстрелом командовал майор Краннебиттер.

— А вы, Риц? Лично вы стреляли?

— Понимаете, господин следователь, вначале я стоял в стороне и наблюдал. Вдруг майор подошел ко мне и сказал: «Ну-ка, Риц, покажите, на что вы способны!» Что я мог сделать? Я ведь офицер. Оскандальиться на виду у всех?.. Я взял у одного эсэсовца автомат и дал очередь.

— Вы же считаете себя культурным человеком, Риц. Как же вы могли расстреливать ни в чем не повинных людей?

— Но это ведь был приказ начальника. Если бы я его не выполнил, меня судил бы военно-полевой суд.

Пройдя выучку в генеральном округе Харьков, Риц направился в Таганрог. Он уже чувствовал себя специалистом, знающим все тонкости палаческого ремесла. Сначала, как учил его штурмбанфюрер Краннебиттер, Риц объездил окраины города и нашел превосходное местечко, самой природой предназначенное для расстрелов — песчаные карьеры. Установил норму отстрела — до 60 человек за один раз.

— Сколько же людей было расстреляно вашей ротой в песчаных карьерах?

Риц морщит лоб, виновато разводит руками:

— Может быть, две... или три тысячи...

— Были там женщины и дети?

— Детей я не видел, господин следователь. Но женщины были. Партизанки, комсомолки, всякие... Они все подлежали уничтожению наряду с мужчинами.

— Ладно, Риц, на сегодня достаточно, — сказал Каверин и, обратившись к переводчице, добавил: — Прочитайте его показания, пусть подпишет.

Конвойные увели Рица. Нина Владимировна складывала в папку свои записи. Каверин выглядел усталым, опустошенным.

— Я вот о чем вспомнила, Константин Александрович, — сказала переводчица. — В начале тридцатых годов к нам в Москву немцы приезжали, антифашисты. Много разных делегаций — молодежные, профсоюзные. Я еще студенткой тогда была, но язык уже знала неплохо. Водила их по улицам, по

Противник подтянул свежие резервы
и перешел в контрнаступление.
Харьковщина снова оказалась под кровавым
сапогом захватчиков.

**Со «шмайссерами» в руках,
в глубоких тевтонских касках,
гитлеровцы ворвались в Харьков.**

Облава.

**Так начинался
фашистский террор.**

*«Таким, наверное, был Рим,
когда через него прокатились
орды германских варваров в V веке,—
огромное кладбище.
На месте города...— руины и пожарища».*
А. Толстой

На подступах к Харькову. Август 1943 г.

Первые дни
после освобождения.

За судебным
столом
генерал-майор
А. Н. Мясников
(председа-
тельствующий),
полковник
М. А. Харчев
и майор
С. С. Запольский.

Госпиталь
на улице
Гринклера.
Останки
растрелянных,
сожженных,
замученных
красноармейцев.

*«Мы запомним этот день
15 декабря —
в этот день мы перестали
говорить о предстоящем суде
над преступниками.
Мы начали их судить».*

И. Эренбург

**Военный прокурор
полковник
Н. К. Дунаев.**

За барьером сидят те, кто еще вчера
бесчищствовал в поверженном и беззащитном городе,
вешал, расстреливал, травил окисью углерода.

В зале суда
известные писатели:
А. Толстой, К. Симонов,
И. Эренбург.

*«Преступники сидят на скамье.
Это трое немцев и один предатель русский.
Это не руководители германского правительства.
Это не рейтскомиссары. Это рядовые убийцы...»*

К. Симонов

**Корреспонденты зарубежных газет
в зале суда.
Завтра их репортажи из Харькова
будет читать весь мир.**

Свидетельница Козлова.

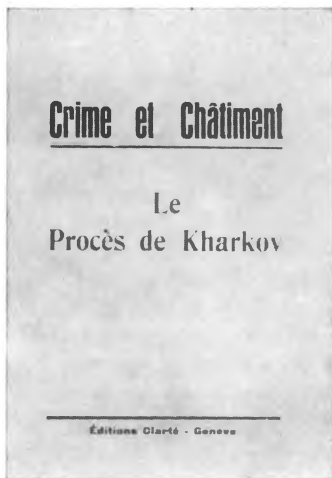

*19 декабря 1943 г.
Приговор приведен в исполнение.
«Люди пришли на площадь и неумолимой стеной
стали вокруг виселиц...
пришли сюда от имени тех советских людей,
чьи кости лежат в земле».*

Е. Кононенко

Зарубежная пресса
о процессе в Харькове.

Стенограммы
харьковского процесса
вышли отдельным изданием
в Женеве в декабре 1943 г.

**Расплата пришла спустя полвека.
Процесс над бывшим командиром
полицейского батальона Посевиным.
Июль 1988 г.**

театрам, про метро наше будущее рассказывала. Восхищались: гут, гут! Помню, по Москве-реке на теплоходе катались, песни вместе пели, костры жгли. Одним словом: рот-фронт, фашизм не пройдет... Куда же все это подевалось? Откуда взялись такие выродки, как этот Риц? Как это все могло произойти?

Он часто сам задавал себе этот вопрос и не мог на него ответить. Как могли пальцы, державшие гриф скрипки, нажать на спусковой крючок «пмайссера»? Как мог человеческий мозг придумать душегубку? Каким чудовищем надо быть, чтобы выстрелить в женщину, заколоть штыком ребенка?

Он допрашивал обвиняемых, записывал показания свидетелей, выезжал на места массовых казней — в лесопарк Сокольники, в Подворки, в лагеря, где происходили расправы над военнопленными. Строка за строкой писалось обвинительное заключение. За тремя немцами, пойманными в Харькове, вставали зловещие тени всех тех, кто изо дня в день внушал миллионам своих верноподданных: «Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки».

Верхи приказывали — низы послушно исполняли. Он, следовательно, должен вскрыть этот преступный механизм смерти и уничтожения. Обвинить не только рядовых убийц, но и тех, кто стоит за ними.

В своем обвинительном заключении следователь по особо важным делам К. А. Каверин писал:

«Всю полноту ответственности за массовые убийства и злодеяния, учиненные немецко-фашистскими захватчиками в период временной оккупации г. Харькова и Харьковской области, за пытки и массовое истребление мирных жителей, за расстрелы, за сожжение и другие виды уничтожения ни в чем не повинных советских людей несут

руководители разбойничьего фашистского правительства Германии и верховного командования германской армии».

11 декабря 1943 года Генеральный прокурор Советского Союза Константин Петрович Горшенин утвердил обвинительное заключение, подготовленное К. А. Кавериним.

АДВОКАТ БЕЛОВ ВСПОМИНАЕТ...

С той поры прошло почти полвека... Нет в живых ни Генерального прокурора СССР К. П. Горшенина, ни следователя К. А. Каверина. Попытки разыскать кого-нибудь из других участников харьковского процесса оказались тщетны. Никаких следов не удалось найти ни в Министерстве обороны, ни в военной прокуратуре, ни в архивах.

Увы, время неумолимо... Давно ушел из жизни Председатель военного трибунала 4-го Украинского фронта генерал-майор юстиции А. Н. Мясников. Умерли и оба его помощника — члены трибунала полковник М. А. Харчев и майор С. С. Запольский. В Москве на Введенском кладбище покоится прах бывшего государственного обвинителя полковника Н. К. Дунаева.

Однажды, листая справочник Московской коллегии адвокатов, я наткнулся на фамилию «Белов». В стенограмме процесса упоминается защитник Белов. Инициалы тоже совпадают. Правда, фамилия больно уж распространенная. Ну, а вдруг?

Звоню по указанному в справочнике телефону. Глухой старческий голос. Представляюсь, и с трудом подавляя волнение, спрашиваю:

— Простите, не приходилось ли вам участвовать в харьковском процессе 1943 года?

Некоторое время — молчание.

И вдруг, к необыкновенной радости своей, слышу:

— Я защищал одного из подсудимых...

Через час я уже в Сокольниках. Дверь открывает мне высокий седой старик — чуть скуластое лицо, строгие и ясные глаза. С палочкой — давно и тяжело болен, как узнал я потом. На улицу почти не выходит («Годы, знаете ли... девятый десяток...»).

Заходим в комнату. Николай Петрович показывает мне на большой альбом в черном переплете, лежащий на столе. — Вот, поглядите. Разыскал в своем архиве.

В альбоме — фотографии, сделанные корреспондентами на процессе в Харькове: судейская коллегия, подсудимые за барьером, зрительный зал. А вот и сам Николай Петрович в ту пору — молодой, черноволосый. Рядом с ним еще двое в гражданских костюмах.

— Это мои коллеги — Коммодов и Казначеев. Тоже москвичи.

Продолжаю листать альбом.

— А это уже не Харьков, — поясняет Белов. — Я ведь после того принимал участие во многих процессах, где судили военных преступников. Вот Смоленск, декабрь сорок пятого года. А эти фотографии сделаны в Киеве. В те годы, после процесса в Харькове, трибуналы проходили во многих городах, где хозяйничали фашисты. А в Наркомюсте считали, что я уже имею достаточный опыт, вот и посылали меня. В сорок седьмом году ездил в Берлин по делу бывшей администрации концлагеря Заксенхаузен. А на этих фотографиях — суд над японскими фашистами, обвиняемыми в подготовке и применении бактериологического оружия.

— Так что Харьков дал вам, как говорится, «путевку в жизнь»?

— Ну да, он ведь был первым.

— С чего же все началось? Как вы оказались участником этого процесса?

— Коммодов, Казначеев и я работали в одной юридической консультации, на Большой Молчановке. Это в районе Арбата. Самым опытным из нас был, конечно, Николай

Васильевич Коммодов. Адвокат, как говорится, милостью божьей. Широкая эрудиция, прекрасная память. Речи его были блистательны. Николай Васильевич вел обычно самые сложные дела. Достаточно вспомнить хотя бы его участие в печально известном теперь процессе по делу так называемого «антисоветского право-троцкистского блока» в 1938 году. Защищал он на нем профессора Плетнева, терапевта-кардиолога, одного из лучших наших медиков, облыжно обвиненного во вредительской деятельности. И в том, что Дмитрию Дмитриевичу Плетневу была сохранена жизнь, немалая заслуга его защитника Коммодова. Я вспомнил об этом к тому, чтобы подчеркнуть, что Николай Васильевич был одним из лучших адвокатов Москвы... А теперь о том, как мы попали на процесс в Харькове. Однажды, было это в ноябре сорок третьего, Коммодова вызвали в Наркомюст. Часа через два он возвратился, пригласил к себе Казначеева Сергея Константиновича и меня. Видим — волнуется Николай Васильевич, а ведь умел владеть собой отлично. Походил он по комнате взад-вперед, а потом говорит: «Предстоит нам, братцы, такое дело, которого никто из нас никогда в жизни не вел. Потому что таких процессов еще в истории не было. Будут судить в Харькове трех немцев и одного предателя. А мы их должны защищать». Тут мы с Казначеевым в один голос: «Кого защищать? Убийц? Палачей?» А Николай Васильевич в ответ: «И я так сказал в Наркомюсте. А на меня цыкнули и говорят: процесс должен быть проведен по всем нормам советского уголовного права. Суд будет открытым, на нем будут наши и зарубежные корреспонденты. Спросили меня, кого из защитников я бы мог порекомендовать. Я и назвал вас.» Наутро пришла за нами машина и повезла на Лубянку: все материалы по делу находились уже в здании НКВД. Выделили нам отдельную комнату, получили мы под расписку все документы и с того дня в течение двух недель изучали дело, готовились. Подзащитных распределили так: Коммодов взял двоих — Лангхельда и Рица, Казначеев — Рецлава, а мне достался шофер душегубки Буланов.

— Какие чувства испытывали вы, Николай Петрович, когда познакомились с делом Буланова и встречались с ним?

Белов на минуту задумывается.

— Я ожидал этого вопроса. И сам задавал его себе не раз. Думаю, что здесь надо отделить человеческое от профессионального. Шла война, газеты и радио сообщали об ужасающих злодеяниях оккупантов. Как я мог относиться к тому, кто стал их пособником, сел за руль смертоносной машины? И это ведь был не чужеземец, а человек, родившийся в нашей стране, учившийся в советской школе... Мразь, подонки... Но как защитник я должен был рассуждать иначе. Моя профессиональная обязанность — обеспечить право подсудимого на защиту. Буланов был на фронте, попал в плен, перед ним поставили условие: либо смерть, либо служба в гестапо. Ничем, конечно, нельзя оправдать измену Родине, но все же была возможность просить суд о снисхождении. Я поделился своими соображениями с Коммодовым, и он согласился со мной. Кстати, для самого Николая Васильевича процесс в Харькове оказался последним... Вскоре после того, как мы возвратились в Москву, нас вызвал нарком внутренних дел Берия. Просто так на Лубянку не вызывают, это мы хорошо знали. Нас охватил самый настоящий страх. Мы терялись в догадках: в чем наша вина? По дороге думали только о том, суждено ли вернуться... Берия устроил Коммодову разнос, начал кричать на него: «Вы выступали на процессе как прокурор, а не как защитник. Об этом пишут сейчас в иностранных газетах. Вы должны были защищать подсудимых, а на самом деле ваши вопросы и выступления только помогали обвинению». Это была самая настоящая ложь. Я потом знакомился с отчетами в зарубежных изданиях — все, наоборот, отмечали полное соблюдение правовых норм. Не знаю, зачем понадобилось Берии извращать факты. Возможно, это была подлая месть за участие Коммодова в процессе тридцать восьмого года. Не знаю, это лишь мой предположения... У Николая Васильевича было слабое сердце, вскоре после этого он скончался...

Николай Петрович встает и, опираясь на палочку, делает несколько шагов по комнате.

— Когда вы поехали в Харьков? — спрашиваю я, чтобы отвлечь его от тягостных воспоминаний.

— В середине декабря, числа 11—12... Ехали мы в международном вагоне. Кроме нас, защитников, помню, были в соседнем купе сотрудники секретариата военного трибунала капитан Таисия Кузовлева и старший лейтенант Анна Коростовская. Они должны были вести протоколы заседаний и другую судебную документацию. Были с нами и переводчики — Иванова и Копылов. В этом же вагоне ехали писатели и корреспонденты. Помню Толстого, Симонова, Эренбурга... Ехали очень медленно, на каждом полустаночке останавливались — ведь железнодорожное сообщение с Харьковом только-только наладилось. О том, что мы думали по дороге в Харьков, написал впоследствии Симонов. Помните? Лучше, чем он, не скажешь...

ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЕЙ

«Я ехал из Москвы в Харьков. Очередная редакционная командировка на этот раз была не на фронт, а на судебный процесс, начинавшийся в Харькове над тремя немцами и одним русским, — вспоминал Константин Симонов в своих дневниках «Разные дни войны». — Процесс предстоял над мелкими сошками гитлеровской машины уничтожения. Главный обвиняемый, офицер военной контрразведки германской армии, был всего-навсего капитаном, остальные двое пемцев — в еще меньших чинах. И русский тоже был не бургомистром, и не начальником полиции, а всего-навсего шофером душегубки.

Однако процесс этот был первый за войну. За этими мелкими сошками стояла созданная для массовых убийств государственная машина смерти, масштабов действия которой мы

тогда еще не знали. На процесс, чтобы писать о нем, поехали известные всей стране люди, как Илья Эренбург и Алексей Толстой, являвшийся заместителем председателя Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию фашистских злодеяний. Поехало на процесс и большинство сидевших в Москве иностранных корреспондентов.

К нестерпимо медленно, по нынешним нашим понятиям, ползшему до Харькова поезду был прицеплен мягкий пассажирский вагон для всех, кто ехал на процесс.

Сразу же за Тулой пошла земля, где бывали немцы, и так тянулась до самого Харькова — сожженные города, разбитые вдребезги станции, взорванные водокачки, остовы сброшенных с путей горелых вагонов, вывихнутые столбы, перекрученные взрывами рельсы, трубы взорванных заводов, трубы сгоревших домов.

Всего этого я повидал предостаточно и раньше, но сейчас все это шло подряд, без перерыва, все время, пока мы ехали и подолгу стояли на станциях и полустанках. Было такое чувство, словно на долгом пути до Харькова все это вышло по обе стороны дороги на бесконечный мрачный парад необозримого горя и разорения. Я ехал мимо всего этого, а где-то на дне души отстаивалась тяжелая злоба на немцев... Потом, уже в Харькове, Толстой в первое же утро, когда мы очутились вместе в гостинице, вспомнив эту дорогу, сказал, что чувствует себя после нее прогнанным сквозь строй, битым не до крови, а до мяса и костей... И я понял, что не только я, а и другие ехали, испытывая то же самое, что я».

В Харькове вагон отцепили и отогнали на запасной путь. Защитники, работники секретариата, переводчики, ночевали в своих купе. Остальные были размещены в гостинице по улице Свердлова.

Утром 15 декабря, примерно за час до открытия процесса, к гостинице за представителями прессы подъехало несколько армейских машин.

Толстой пошел пешком. Этот путь среди мертвых развалин города, от улицы Свердлова до оперного театра, был трагическим предисловием к начинавшемуся процессу.

«Перехожу речку Лопань по деревянному, на месте взорванного, мосту, поднимаюсь по высокой широкой лестнице к сожженной громаде театра и клуба Красной Армии, мимо развалин пассажа и того, что было торговыми рядами, выхожу на вымершую Университетскую улицу и гляжу с возвышенности вниз, за Лопань, на западную часть Харькова. Она отсюда вся как на ладони: очертания зданий, уходящих до горизонта, зияющие пустыми окнами огромные дома, провалившиеся крыши заводских корпусов. Все припорошено снегом и кажется черным и вымершим, будто после пожара. Выхожу на главную улицу — Сумскую. От края и до края она похожа на развалины гигантской Помпеи, лишь кое-где уцелел дом и уже вставлены стекла, и дымят выставленные в форточку железные трубы печурок. Дальше огромная прекрасная площадь, где высятся дома промышленности, проектов, гостиницы, универмаги. Все это пустые, выжженные остовы...»

На небольшой площади перед театром толпятся люди. Никакой зрительный зал не смог бы вместить тысячи харьковчан, которые хотели бы своими глазами видеть, как свершается суд над их недавними палачами.

Театр оцеплен тремя кордонами красноармейцев. Тщательно проверяются пропуска. Подъезжает военный автобус с решетками на окнах. Толпа расступается, пропуская его к служебному входу. Автоматчики открывают задние двери и одного за другим выводят подсудимых.

Гул возмущения прокатывается по толпе:

— Гады!

— Крови нашей попили, природы!

— Сыночка моего сгубили... За что?

— Ответят...

— Вешать их, паразитов!

Хлопья мокрого снега падают на ветхие пальтишки, дра-
ные фуфайки, старенькие, залатанные полушубки.

Но люди не уходят с площади. Люди ждут...

В зале театра оглашено обвинительное заключение. Теперь его читают для подсудимых, по-немецки. На этих четверых, сидящих за барьером, устремлены тысячи глаз. «Мне странно,— отмечает Симонов,— что они похожи на обыкновенных людей, что они спят, едят, передвигаются так же, как все люди...» Эти же чувства испытывает и поэт Владимир Сосюра:

Аж ось вони. сидять... І як підсудних лава
Тримає їх тіла, прокляті та чужі...
Їх брови, як п'явки, їх очі, як ножі,
А в тих очах — одчай і ненависть кривава...

Для Леонида Леонова, отправившего с харьковского процесса цикл публицистических статей в «Известия», важно «клинически понять животную логику зверя, заступом разрубавшего голову младенца». Всмотриваясь в лица подсудимых, он напишет в одной из статей: «И хотя перу моему гнусно чертить даже беглые портреты этих мерзавцев, стоит набросать вкратце и для памяти основное в их внешнем облике».

В «инфантильно-сладком личике» Ганса Рица, в этом «гномике с лысинкой» он с безошибочной точностью угадывает одного из тех, которые «любят сниматься возле повешенных партизан и посылать эти фотографии на родину своим мамам и невестам».

Рейнгольд Рецлав, у которого «невывразительная башка, схожая с набалдашником трости»,— «службист и работяга в своем застенке». У капитана Лангхельда, отмечает писатель, «безресничные глаза, плоско срезанный рот, его губы сплюснуты намертво». И делает вывод: «От этого не жди пощады. И, правда, ему Гитлер мог вполне доверить истребление целого народа».

«В черном пиджаке, с мордой каторжника, — таким видит Л. Леонов предателя Буланова. — В темных, без всякого выражения его глазах, под тяжелыми палаческими бровями не отразилось ничего; он сидит, втянув голову в плечи, точно заблаговременно пряча голову от петли».

После оглашения обвинительного заключения суд приступает к допросу Лангхельда. «Видели бы вы, каким гусиным шагом подошел он к микрофону, — отмечает Елена Кононенко, корреспондент «Комсомольской правды». — Порой даже начинало казаться, что он действительно спокоен. Но присмотришься и видишь — капитан обливается потом. Его кирпичная физиономия вдруг блекнет, белесые ресницы начинают моргать».

Прокурор. Скажите, Лангхельд, сколько лично вы уничтожили советских граждан.

Лангхельд. Точную цифру назвать затрудняюсь, но полагаю, что не менее ста.

Вильгельм Лангхельд был опытным специалистом по работе с военнопленными. Четко и истово выполнял инструкции, в которых говорилось: «Русские военнопленные прошли школу большевизма, их нужно рассматривать как большевиков и обращаться с ними как с большевиками. Ни Гагская конвенция, ни иные международные соглашения о правилах ведения сухопутной войны к Советскому Союзу не относятся». Так черным по белому было написано в постановлении рейха, которое капитан получил 22 июня 1941 года, в первый же день войны на Востоке.

В лагере на Холодной Горе капитан действовал по отработанной методике. Все военнопленные подразделялись на две категории: нежелательные элементы и те, которые проявляют склонность к сотрудничеству. К «нежелательным» относились командиры, евреи, «фанатичные коммунисты», «подстрекатели», «беглецы» и неизлечимо больные. Все они подлежали уничтожению.

Если побегов из лагеря не было, их придумывали.

— По моему распоряжению,— рассказывает капитан,— привели ко мне одного из самых истощенных пленных. Я спросил, кто в лагере собирается совершить побег. Пообещал за это улучшить его питание. Пленный отказался назвать какие-либо фамилии, сказал, что он о таких случаях не знает. Я бросил пленного на пол и стал избивать его, пока он не лишился сознания.

«Он большой, рыжий, краспорожий, руки у него тоже большие и, наверняка, холодные и потные. Он хорошо сохранился для своих 52 лет, этот представитель «высшей расы» и, кажется, обладает незаурядной физической силой; нетрудно представить себе, как он своими сапожищами высаживает двери из жилищ, как он бьет своей тяжелой лапой людей по голове, по лицу» (Елена Конопенко).

— Затем я составил протокол,— размеренно и деловито продолжает капитан,— и пытался заставить пленного его подписать. Но он снова отказался.

— Кто же все-таки подписал протокол? — спрашивает военный прокурор.

— Я и переводчик. Мы написали, что двадцать военнопленных якобы собираются совершить побег. Фамилии я наугад выбрал из лагерного списка. На следующий день протокол представили майору и он распорядился всех расстрелять.

«Своим видом, красным лицом без губ и спокойными ответами Лангхельд как бы утверждает: поверьте мне, господа судьи, я честный и добропорядочный франкфуртский мещанин и хотя убил около ста русских, но сами понимаете: служба, работа, долг перед фюрером. Вот это-то и страшно в этом рыжем немце» (А. Толстой).

В холодногорском лагере, в здании бывшей тюрьмы, находилось несколько тысяч голодных, изможденных, полуживых людей. Их было столько, что и во дворе тюрьмы, и в камерах нельзя было ни лечь, ни сесть. «День и ночь люди стояли, как в переполненном трамвае,— сказал сидетель Гейнц Янч.— Это были обтянутые кожей скелеты».

По всему лагерю валялись трупы умерших и убитых. Один раз в день солдаты охраны бросали в толпу заключенных пакетики с концентратами. Они доставались тем, кто находился близко. Чтобы приготовить пищу, военнопленные собирали из луж и сточных канав воду и размешивали в ней содержимое пакетиков.

Капитан Лангхельд никогда не пропускал минут «кормежки». Он получал особое удовольствие, глядя, как эти жалкие существа, которых-то и людьми нельзя было назвать, пытаются на лету поймать пакетик с отрубями. «Низшая раса, скоты», — думал он с презрением. Эти картины всегда его забавляли.

Было в лагере и другое развлечение. Офицеры и солдаты, проходя по территории, часто срывали с военнопленных фуражки и бросали их в запретную зону. Когда пленный пытался достать фуражку, вахтманы открывали огонь.

— Значит, военнопленных избирали в качестве мишени? Так? — продолжает допрос прокурор Дунаев.

Лангхельд отвечает четко, как на плацу:

— Их рассматривали как дичь, по которой можно стрелять.

«Лагерь этот — прообраз того, что они хотели сделать с Украиной», — позже эти строки мы прочтем в статье Павла Тычины.

Стреляли в этом лагере каждый день. Количество «фанатиков» и прочих нежелательных элементов быстро уменьшалось.

Но нашлись и такие, кто пошел в услужение к новым господам.

Одним из них был военнопленный Александр Посевин, ставший впоследствии командиром харьковского полицейского батальона.

Но, чтобы рассказать о Посевине, который сорок пять лет скрывался от возмездия, нам придется перенестись в 1988 год...

ЧЕРНЫЙ ОБОРОТЕНЬ

Знают ли молодожены, которые выходят сегодня из Дворца бракосочетания, что в семиэтажном сером доме напротив, по Сумской улице, 100, когда-то размещалось гестапо?

Известно ли мальчишкам и девчонкам, живущим на Кооперативной улице, что здесь находился гараж СС, из которого ежедневно выползали на свой дьявольский промысел машины смерти — «душегубки»?

Многие ли харьковчане помнят, что в здании нынешнего института искусств была биржа, где составлялись списки угоняемых в рабство юношей и девушек?

Для них, сегодняшних, время это уже стало историей: страницей учебника, выцветшей фотографией, памятником, музейным экспонатом, мелодией незнакомой песни.

Но разве могут когда-нибудь забыть прошлое те, кого в зале Дворца культуры им. В. И. Ленина в июльские дни 1988 года называли «потерпевшими». Какое безликое судебское слово! Как неспособно оно передать ту незаживающую боль, которая и теперь, спустя полвека, перехватывает горло, застилает слезами глаза этих седых, преждевременно состарившихся женщин. Тех, у кого расстреляна мать, повешен брат, кого хлестали нагайкой по лицу, кто показывает следы когтей немецкой овчарки, кто выпрыгивал на ходу из эшелона, мчавшегося в Германию, кто выкарабкался, чудом уцелев, из кровавой ямы?

Всего в нескольких метрах от них, за железной загородкой, сидит седенький старичок, смахивающий на сельского счетовода, и усердно, стараясь не глядеть в зал, что-то записывает в толстой клеенчатой тетради.

Они-то помнят его иным — с черепом на фуражке и парабеллумом в руке. Помнят звериную силу его кулачищ, лютное, побитое оспой лицо, зычный голос, которым он произнесил свою излюбленную фразу: «Ты что, тварь, пулю проглотить хочешь?»

Словно ржавый снаряд, который с войны, глубоко затаившись, пролежал в земле, прятался долгие годы от расплаты командир харьковского полицейского батальона СД унтершарфюрер Александр Посевин. Он не сидел на скамье подсудимых в декабре сорок третьего года. Не был повешен вместе с четырьмя преступниками на Базарной площади. Лишь в январе 1988 года, уже в наручниках, его привезли в лесопарк, к мемориалу Славы. Туда, где лежат сотни погубленных им людей...

Черная карьера предателя началась в холодногорском лагере. Вместе с другими военнопленными, босой и голодный, он ловил пакетики с пищей и пил гнилую воду из сточных канав. Но лагерное начальство быстро заметило собачью угодливость на его рябом лице. Ни колючей ненависти «фанатиков», ни суровой решимости «беглецов» — лишь страх и мольба в темных испуганных глазах. Лагерное начальство отнесло его к числу тех, кто «склонен к сотрудничеству».

И оно не ошиблось.

— Эй ты, подойди-ка сюда,— поманил его пальцем приехавший однажды в лагерь эсэсовский офицер.

Торопливо, вобрав голову в плечи, Посевин подошел к нему.

— Кто ты? Как попал в плен? — Офицер неплохо говорил по-русски.

— Сержант Посевин. Был командиром отделения 2-го взвода 2-й саперной роты 352 отдельного саперного батальона... В плен попал 4 июля сорок второго года, под Белгородом.

— Большевик?

Посевин поспешно замотал головой.

— Мне говорили, что ты примерно ведешь себя в лагере. Хочешь работать с нами? В полицию пойдешь?

Посевин, опустив голову, бросил взгляд на хромоые блестящие сапоги офицера, перевел взгляд на свои распухшие, грязные ноги.

«Выжить! Любой ценой выжить. Хоть к черту на рога...»

Так началась вторая жизнь оборотня. 25 июля 1942 года он уже был назначен командиром взвода полицейского батальона. Собственно, батальона тогда еще не было — он находился в стадии формирования. Через несколько дней Посевин приехал в лагерь с первым поручением — ему доверили вербовку полицаяв.

Выглядел он свежо и молодцевато. На нем была чистая красноармейская форма без знаков различия. На правом плече устрашающе чернела буква «П» — полиция.

Речь Посевина была краткой:

— Кто хочет служить в полиции? Харч, форма, 20 оккупационных марок в месяц. Здесь все вы подохнете как собаки. Кто согласен — шаг вперед.

Из шеренги вышли Ткаченко, Подлегаев, Лохматиков, Мацнев, Гелевей и еще несколько десятков военнопленных. (Многих из них я видел уже глубокими стариками на процессе по делу Посевина. Каждый получил по заслугам, отсидел в свое время положенный срок. Теперь они давали показания на своего бывшего командира как свидетели обвинения).

На Сумской, 100, куда привели завербованных, каждый из них написал заявление, заполнил анкету и дал расписку о неразглашении государственной тайны. Но они еще не стали полицейскими: им предстояло присягнуть на верность германскому рейху.

Новички были построены во дворе гестапо. Посевин громко читал текст, остальные хором повторяли:

— Как член полиции, я присягаю быть верным, смелым и послушным и выполнять мою службу добросовестно, в особенности против врага народов — большевизма. Для выполнения этой присяги я готов пожертвовать моей жизнью. Да поможет мне в этом Бог.

Так в августе 1942 года из отщепенцев и предателей был сформирован карательный полицейский батальон генераль-

ного округа Харькова. Его кровавый путь записан в 42 томах уголовного дела Посевина.

В батальоне было две сотни полицаяв. Первая сотня размещалась на Рыбной, 8 (сейчас Кооперативная), вторая — на Сумской, 100. Посевин жил в командирской комнате вместе с другими взводными — Василием Матяшом и Андреем Высоцким.

И Высоцкий и Матяш завидовали Посевину: его взвод считался лучшим в батальоне. Помощник начальника следственного отдела Давид Петерс, которому Посевин частенько, из любви к делу, помогал при допросах, доложил начальству об усердии командира второго взвода. И через несколько дней штурмбанфюрер Краннебиттер зачитал перед строем приказ о назначении Посевина командиром батальона.

Он не мог скрыть своей радости — это был, конечно, подарок фортуны. Еще бы! Месяц тому назад он бил вшей в холодногорском лагере — и вот уже унтершарфюрер СС с четырьмя квадратиками в петлице и погоном из алюминиевого шитья на правом плече! И не капитану Ермакову, командиру первой сотни, не Матяшу и Высоцкому, тоже офицерам, доверили руководство батальоном, а ему, простому парню с начальным образованием. И жалованье установили приличное — 140 марок в месяц — между прочим, в два раза больше, чем получает немецкий солдат, чистокровный ариец.

Усердие его теперь не знало границ: 140 марок нужно было отрабатывать верой и правдой. «Шуцманы» Посевина охраняли тюрьму, устраивали облавы на рынках, конвоировали арестованных. Все семь этажей гестапо работали день и ночь. После пыток и побоев полицейские отводили полуживых людей в подвал. В кипящем крысами каменном мешке, вспоминает Екатерина Николаевна Григатович, в зловонной темноте находилось несколько десятков женщин. Есть и пить не давали. Детей кормили калом, ели вшей. Время от времени людей уводили — одних пускали «в расход», других переводили в тюрьму на улицу Чернышевского, 21...

Председательствующий. Потерпевшая Волокитина, вы знаете подсудимого?

Волокитина. Знаю.

Председательствующий. С какого времени?

Волокитина. С 1942 года, когда он работал в тюрьме. Только выглядел он тогда иначе — черноволосый, статный. Никого так не боялись, как его... В 1942 году к нам домой пришли полицаи и забрали маму. А я на менку ездила, меня дома не было. Привезла я на саночках картошки немного и пшена — на сапоги выменяла. А отец мне говорит: маму арестовали. Стала я на Чернышевскую ходить, передачи берут, а жива она или нет — не знаю. Зашла я с другой стороны, думаю, может, в окошко увижу. Вдруг сзади: «Ни с места, а то пуля будет!» Обернулась — он, лицо рябое! Повел в тюрьму. Плачу я, отпустить умоляю. Тут немец навстречу, фашист, в черной форме. Спрашивает Посевина, в чем дело. Тот рассказал и предлагает немцу: бабахнем, дескать, ее. Я снова в слезы: «Пожалейте, ребенок у меня, два годика... Ведь ничего я не сделала, хотела узнать, что с мамой...» Немец отшвырнул меня: «Дать ей двадцать шомполов!» Завели меня в комнату, бросили на топчан, шубу на голову задрали и начали стегать. Потеряла я сознание. Полицаи водой отливали, потом на улицу вывели... Куда идти, где я живу, ничего не соображала... Месяц после этого ходить не могла...

Председательствующий. А что с мамой вашей стало?

Волокитина. Расстреляли ее в лесопарке. В январе сорок третьего...

Расстреливали арестованных вначале прямо здесь, во дворе тюрьмы. Люди Посевина и он сам помогали эсэсовцам при казнях. Бывший полицейский Мацнев часто нес службу в тюрьме на Чернышевской. Трупы складывались штабелями,

рассказывал он. Потом их обливали соляжкой и сжигали. Шеи при этом пережигались, головы погибших катались по двору. Полицейские выдирали золотые зубы, коронки и сдавали их начальнику тюрьмы Мельцеру.

У ворот тюрьмы, с узелками в руках, всегда стояла сиротливая толпа женщин. Полицаи разгоняли их прикладами, но они возвращались снова — матери, жены, сестры... Одной из женщин, которая принесла передачу, полицейский Мешков тайком шепнул, что ее мужа вчера расстреляли. Женщина стала рыдать. Проверивший посты Посевин, узнав в чем дело, тут же задержал полицейского. Суд был скорый и жестокий. Мешков был повешен во дворе гестапо перед строем полицейских. Август Фризе, начальник политотдела, набросил петлю, унтершарфюрер Посевин выбил табуретку из-под ног. «Это вам всем урок, — сказал он после экзекуции полицаям. — Каждого, кто будет болтать, ждет веревка».

Он наводил страх на всех. «Рябой» — так звали его люди. «Когда он только появлялся, нас всех как ветром сдувало», — говорила на суде Антонина Литвин, которой он ударом нагайки разбил плечо. «Сашка-комендант» — называли его между собой полицейские. Немцы, видя в нем своего, обращались по-дружески «Алекс».

Им нравился этот немногословный, исполнительный унтершарфюрер, на него во всем можно было положиться. В его холодной жестокости и беспощадной ненависти ко всем заподозренным в связях с большевиками или партизанами им виделись черты подлинного арийца. Особым покровительством Посевин пользовался у сотрудников политотдела гестапо Фризе и Шульца. Их сближала не только работа.

У Фризе была в Харькове любовница, красавица Мария Бунина, работавшая поваром в столовой СД. Мария познакомила Посевина со своей сестрой Анной, которая вместе с сыном жила на Каразинской, 17. На первое свидание унтершарфюрер явился в черной парадной форме, в лихо сдвинутой набекрень фуражке с мертвой головой. Принес,

как положено, бутылочку вина и пару плиток французского шоколада.

В своих письменных показаниях Анна Бунина, не присутствовавшая на суде по болезни, вспоминала, что держался он уверенно, с достоинством (это он умел) и сразу же расположил ее к себе. Рассказал, что в Донбассе у него есть семья, но возвращаться к ней он не думает. Поговорили, потанцевали, а через несколько дней Посевин распрощался с Матяшом и Высоцким и перебрался на Каразинскую.

В чем же вина Посевина? Участвовал в допросах, бил нагайкой, казнил своего подчиненного... И все?

Нет, наш рассказ о черном оборотне приближается к тем страницам его преступлений, которые написаны несмыслимой кровью сотен харьковчан, лежащих в братских могилах на поляне лесопарка.

Еще 13 сентября 1943 года, сразу же после освобождения Харькова, областная комиссия, расследовавшая злодеяния немецко-фашистских оккупантов, установила, что в лесопарке, возле поселка Сокольники, с июня 1942 года по июль 1943-го было расстреляно около четырех тысяч человек.

«Комиссией в лесопарке были вскрыты шесть ям. Установлено, что причиной смерти абсолютного большинства захороненных являются сквозные пулевые ранения в череп, главным образом в его затылочную область. Выстрелы производились на близком расстоянии или в упор. У некоторых трупов обнаружен высунутый изо рта и ущемленный между зубами язык. Это, согласно акту судебно-медицинской экспертизы, указывает на то, что люди были брошены в ямы ранеными, умерли там от удушья, будучи заваленными трупами и землей... Трупы лежали рядами... лицом вниз, с руками, прижатыми к груди и лицу... Судебно-медицинская экспертиза считает, что приведенных в голом виде к этим ямам людей заставляли ложиться туда рядами, лицом вниз и расстреливали их в затылок».

Акт комиссии был у следователя К. А. Каверина. На процессе сорок третьего года о массовых казнях в лесопарке

давал показания свидетель А. Ф. Беспалов, житель поселка Сокольники. Но преступника на скамье подсудимых не было. Он сел на нее лишь спустя полвека...

25 августа 1942 года Шульц впервые повез Посевина в Сокольники.

— Учти, Алекс, там теперь будет основное место твоей работы,— говорил он по дороге.— Мы приступаем к массовой ликвидации всех нежелательных элементов. Твой батальон должен обеспечить проведение этих акций.

Серый «мерседес» с брезентовым верхом свернул с шоссе и остановился на небольшой полянке. Тут уже стояли две крытых машины. В первой были военнопленные, во второй — в основном женщины. Расстреливал Шульц. Автомат давал разброс, многие из жертв оставались живыми.

— Чего ты прохлаждаешься? — крикнул Шульц из ямы.— Лезь, добивай!

Сейчас, сидя за железной загородкой, этот опрятный старичок в светлой клетчатой рубашке затрудняется вспомнить, сколько человек он прикончил в тот первый день — то ли шесть, то ли двенадцать. «Я стрелял, чтобы люди меньше мучились», — поясняет он суду.

Начало было положено, технология казни отработана.

В те дни, когда намечалось проведение карательной операции, Посевин направлял в лесопарк два-три взвода полицейских. Заблаговременно рыли ямы, одну из стен делали склоном («для удобства схождения»). Вокруг поляны выставлялось оцепление: ближнее — на расстоянии 15 метров от ям и дальнее. Одна за другой на поляну подъезжали машины. Люди в них сидели лицом к задней стенке, на ногах друг у друга.

Чтобы установить количество людей, помещавшихся в машине, был проведен следственный эксперимент. Курсанты военного училища не сразу поняли, как следует размещаться в грузовиках. «В полиции было больше порядка», — отметил бывший унтершарфюрер.

Людей выводили из машин группами, по пять-шесть человек. Приказывали раздеться и по пологому спуску заводили в яму. Бывший полицейский Мацнев, не раз стоявший в ближнем оцеплении, слышал, как Посевин командовал, чтобы люди ложились поплотнее, головой в сторону города. Потом Фризе или Шульц давали очередь из «шмайссера». Посевин же, ступая по трупам, добивал раненых одиночными выстрелами в затылок.

С в и д е т е л ь Подлегаев (бывший полицейский). Он наклонился к лежащим в ямах и проверял, кто остался жив. Вылезал, чтобы перезарядить обойму парабеллума. Сапоги его были сплошь заляпаны кровью.

П о с е в и н. Брешет он. На моих сапогах не было крови — я стрелял аккуратно, в упор. Лишних страданий никому не причинял.

П о т е р п е в ш а я Григатович. Во дворе тюрьмы нас посадили в машину, накрытую брезентом. Привезли в лесопарк. Я увидела яму и стала кричать: «Что вы делаете?! Пустите! У меня двое детей!» Меня схватили за голову, за ноги и швырнули в яму. Стали стрелять, пуля попала в ногу, я потеряла сознание. Очнувшись, стала разгребать землю. Зову тихонько: «Помогите... помогите...» Помню, какие-то две старушки раскопали меня, вытащили. Потом, когда пришли наши, положили меня в больницу и сделали чистку ноги...

П о с е в и н. Думаете, убивать легко? Это тяжелая работа. Были такие красавицы, что рука не поднималась. Но ведь надо было...

После одного из расстрелов, 14 октября 1942 года, в квартире на Каразинской было шумно и весело: отмечали день рождения Посевина. Собралось человек двенадцать: Фризе с Марией, Шульц с Любой Ситенко, Высоцкий и Матяш со своими подружками.

Пили шнапс, самогон (его обычно покупали на выручку от продажи вещей расстрелянных). Белокурый весельчак Фризе учил Анну танцевать «линду», Вася Матяш, накру-

чивая патефон, ставил пластинку за пластинкой. Имениннику особенно по душе была «Лили Марлен». Ее пела низким густым голосом Лала Андерсон.

— На службе нужно быть стальным, как требует фельд-фебель, — переводил изрядно захмелевший Вилли Шульц. — Но по вечерам, когда струятся зефиры и у ворот выстраиваются красотики, опять можно порадоваться чему-то мягкому и пышному, и теперь только одна цель — любовь, любовь.

Один за другим следовали тосты. Август Фризе сказал, что с такими, как Алекс, Германия наведет новый порядок. Орали «прозит!», горланили песни, разошлись под самое утро...

Утром родственники тех, кто был накануне расстрелян, приходили на поляну в Сокольниках. Крадучись, пригибаясь к земле, ходили у свежесыпанных ям. Середенко нашла мисочку отца, Голеусова — фуфайку брата, Литвин — бурочку и пиджак мужа, Волокитина ничего не нашла...

Суд подводил итог палаческой деятельности Рябого. Из четырех тысяч погибших в лесопарке на его черной совети — не менее трехсот.

Третья и последняя жизнь оборотня началась в родном Токмаке, куда он бежал вместе с Анной Буниной после освобождения Харькова. Здесь он дождался прихода наших войск, снова надел красноармейскую шинель («Был в плену, бежал, теперь снова хочу бить фашистов», — заявил он в военкомате) и как санитар мотополка дошел «с боями» до Берлина.

В 1946 году в одном из колхозов Львовской (тогда Дрогобычской) области появился демобилизованный сержант. Приехал с женой и сыном. Приняли их как родных — в разоренном войной хозяйстве рабочие руки были на вес золота. Сержант оказался работающим, исполнительным. Любил, правда, заглядывать в бутылочку, но зато трактористом был отменным. И норму перевыполнял, и в двигателе самолично мог разобраться. Вскоре его фотография появилась на колхозной Доске почета. А в 1951 году Александра

Посевина и Анну Бунину торжественно принимали в партию. Бывший унтершарфюрер был избран членом райкома партии, стал депутатом сельского Совета, ездил как делегат на областную партийную конференцию...

П р е с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. Скажите, Посевин, вам приходилось читать в газетах о судебных процессах над виновниками массовых злодеяний, в частности, в Харькове и других городах?

П о с е в и н. Читал...

П р е с е д а т е л ь с т в у ю щ и й. И как вы реагировали на них?

П о с е в и н. Мучила совесть, и до сегодняшнего дня мучает.

Лжет, выкручивается оборотень. Ведь думал, что все списано, что удалось замести кровавый след. Иначе б не вернулся снова в родные края. «Дураком был, возвратившись в Токмак,— скажет он позже следователю.— Еще два года покрутил бы руль трактора, и героя соцтруда дали бы».

В Токмаке он работал слесарем в отделении «Сельхозтехники». Ветеран труда, участник войны. Получал медали, в дни праздников — памятные подарки.

П о т е р п е в ш а я Дмитрикова. Вы не отказывались от тех подарков, которые вам дарили как участнику войны?

П о с е в и н. Я плакал...

Способны ли были плакать эти тяжелые, мрачные глаза убийцы?

9 мая 1985 года, в день 40-летия Победы, он вышел из своего дома по улице Володарского, 38 и направился на площадь, где должен был состояться парад ветеранов войны. Он шел в одном ряду с фронтовиками — на груди медали, в руке букет гвоздик, который ему вручили токмакские пионеры. Духовой оркестр играл марши, слепило солнце, повсюду улыбки, поздравления, море цветов...

А вот вечером его обидели. Всем ветеранам дарили ценные сувениры, а он, Посевин, подумайте только, получил

лишь благодарность! А ведь ему заранее было известно, что в списке против его имени было написано: «электронные часы». Как же так, кто посмел допустить такое самоуправство?

Он разозлился, крепко выпил и настроил жалобу управляющему и секретарю парторганизации «Сельхозтехники». Сердобольные люди постарались исправить ошибку — как же, обидели ветерана! — и торжественно вручили ему электронные часы. Теперь Посевин стал хлопотать об ордене Отечественной войны. Положено? Дайте! И вот тут произошло то, чего он не ожидал — ведь столько лет прошло. В военкомате вдруг стали тщательно проверять его документы. Никаких записей с июля 1942 по август 1943 в них не оказалось...

Сначала темнил, придумывал одну версию за другой. Потом признался: служил, дескать, в полиции, был такой грех, но рядовым. За сокрытие связи с оккупантами его исключили из партии. Но это был только первый удар грома: личностью Посевина уже заинтересовалось Запорожское управление КГБ.

Посевин пытался все отрицать, ссылаясь на память, па давность лет. Даже во время суда, пытаясь выкрутиться от неминуемой расплаты, он сделал заявление: «Факты по моему делу фальсифицированы... Следователи разыграли спектакль с подставными лицами, относились ко мне предвзято, шантажировали... Мои руки чисты, я к преступлениям не причастен».

Эти циничные строчки он писал в следственном изоляторе холодногогорской тюрьмы. Отсюда ровно сорок шесть лет тому назад бывший сержант Красной Армии Александр Посевин ушел на службу к фашистам в карательный полицейский батальон.

Он возвратился на круги своя. Так закончилась жизнь черного оборотня, который должен был сидеть рядом с четырьмя подсудимыми на процессе сорок третьего года...

ВИДЕНИЯ СТАРШЕГО ЕФРЕЙТОРА РЕЦЛАВА

Харьков, 16 декабря 1943 года... Продолжается заседание военного трибунала 4-го Украинского фронта. Председательствующий генерал-майор Мясников ведет допрос подсудимого Рейнгарда Рецлава.

Он самый младший по чину, всего-навсего старший ефрейтор гестапо.

Что может добавить к нашему рассказу перечисление его деяний? Стоит ли рассказывать о них? Пытал, избивал, любил загонять цыганскую иголку под ногти своих жертв, составлял списки заключенных для удушения в «газвгенах».

«Лицо, на котором ничего нет, кроме очков, ни тени мысли, ни отсвета чувств,— мимоходом отмечает Илья Эренбург.— Это самый тупой, если в немецкой тупости есть степени...»

И я уже отложил было свои выписки о Рейнгарде Рецлаве в сторону, чтобы перейти к другим эпизодам процесса, как вдруг на глаза попались строчки из газетного репортажа Алексея Толстого: «На таких-то серо обезличенных людях строился и стоял гитлеровский режим».

Писатель сумел разглядеть в этом безликом существе один из миллионов кирпичиков, из которых Гитлеру удалось составить коричневую пирамиду третьего рейха.

Мы часто задумываемся над тем, как удалось главарям фашистской мафии за такой короткий срок, за какие-нибудь шесть-семь лет оболванить целый народ, привести в поистине гипнотическое состояние цивилизованную страну, давшую миру Гете и Бетховена, подчинить своим бредовым идеям миллионы людей — бюргеров, инженеров, рабочих, музыкантов.

Дьявольская фантазмагория, не поддающаяся анализу! Но это лишь на первый взгляд. В механизме оболванивания

нет ничего сверхъестественного. Он груб и прямолинеен. Он устремляет свои щупальца к самому низменному в человеке, к его первобытным животным инстинктам. Вытаскивает их на поверхность, разжигает их манками и посулами и заставляет служить себе.

Жизнь чиновника гестапо Рейнгарда Рецлава, оборвавшаяся зимой сорок третьего года в Харькове, наглядный пример тому.

Франкфурт-на-Майне. Толпы безработных перед биржей труда. Пустые витрины магазинов, инфляция... В отделе рассылки одной из городских газет в поте лица трудится неприметная личность по фамилии Рецлав. Как он счастлив, что удалось получить хотя бы это местечко. Правда, с каждым днем катится вниз курс марки. Тарелка чечевичного супа, чашечка эрзац-кофе в полдень и раз в неделю, по субботам, сосиски с капустой — вот, пожалуй, и все, что он может себе позволить.

Но он ведь не только рассылает газеты подписчикам. Он и сам читает их. Поджог рейхстага — конечно же, это дело рук коммунистов, они хотят вызвать в стране хаос и подорвать экономику. В Германии новый канцлер — Адольф Гитлер. Он-то наведет, наконец, порядок в государстве. Как четко и просто объясняет фюрер причины нищеты и бедствий народа: Германия перенаселена и не может прокормить себя собственными силами. Стране необходимо жизненное пространство. Это война не за трон и не за алтарь, говорит доктор Геббельс, это война за зерно и хлеб, за обильный обеденный стол, за обильные завтраки и ужины, война за сырье, за резину, за железо и руду.

Живое семя брошено в унавоженную почву. Рецлав надевает военную форму и отправляется покорять мир. Франция, Бельгия, Голландия — это лишь начало. Главные земли — на Востоке.

«Если мы будем владеть бесчисленными природными богатствами Урала и лесами Сибири, если Германии будут

принадлежать необозримые поля Украины, то наша страна утонет в избытке», — так говорит фюрер. И старший ефрейтор Рецлав верит своему вождю.

Накануне войны с Россией, в мае 1941 года, усердного и дисциплинированного служаку переводят в батальон особого назначения «Альтенбург». Это была единственная в Германии школа, где проходили подготовку будущие гестаповцы.

Прокурор. Скажите, Рецлав, какие дисциплины изучались в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав. Нам преподавали уголовное право, практику допросов, арестов, обысков, агентурную работу среди гражданского населения. Кроме того, руководящие чиновники гестапо читали нам специальные лекции.

Прокурор. Какие именно?

Рецлав. Это лекции, в которых освещалась роль германского народа как носителя высшей расы, а также разбирались вопросы по установлению нового порядка в Европе и связанные с этим мероприятия.

Прокурор. Что же это за мероприятия?

Рецлав. Нам говорили, что советский народ как низшая раса должен быть уничтожен.

Прокурор. Следовательно, в батальоне вас обучали методам уничтожения советских людей?

Рецлав. Да...

Он был прилежным курсантом. Старательно конспектировал лекции, стараясь не пропустить ни единого слова своих наставников.

На занятиях полковник абвера говорил, что война с Россией будет резко отличаться от войны с западными соседями. Это будет война на уничтожение. И в этой войне курсанты обязаны применять любые средства против партизан и населения, оказывающего ему поддержку. Любое проявление мягкости является преступлением по отношению к германскому народу.

Профессор-психолог призывал не разговаривать, а действовать. Русские понимают только один язык — кнута и пули.

Представитель главного имперского управления безопасности, опытный практик, показывал курсантам различные способы пыток: подвешивание к столбу, растягивание на виселице, телесные наказания плетью по системе «клавир», применение раскаленных предметов.

С особым интересом курсанты «Альтенбурга» слушали лекции о колонизации восточных земель. Красочные схемы наглядно показывали размещение немецких поселений от Вислы до Волги. Вокруг небольших городов с роскошными зданиями и дворцами для немецких учреждений возникнут красивые деревни, соединенные автострадами и железнодорожными путями. Каждая деревня заселяется ротой. Территория подразделяется между колонистами по 40—50 гектаров на каждое хозяйство. Жилая площадь дома — 180 квадратных метров. Коней — 4, коров — 8, свиней — 40. Русские будут жить вдали от этих поселений — в специальных резервациях для батраков.

И в казарме, и в поезде, который вез Рецлава на Украину в марте 1942 года, и в харьковском гестапо, куда получил назначение выпускник батальона «Альтенбург» — повсюду стоял перед его глазами чистенький аккуратный домик, амбары, доверху засыпанные золотистой пшеницей, склонившиеся перед бауэром русские мужики... Во имя этого он пытал и убивал.

Эти видения рассеялись в тот августовский день, когда двое русских автоматчиков вывели его из здания гестапо с поднятыми кверху руками...

Прокурор. Вы принимали участие в истреблении советских людей в газовых автомобилях?

Рецлав. Да, принимал.

Прокурор. Расскажите об этом трибуналу...

ДЕЛО О „ГАЗОВОМ АВТОМОБИЛЕ“

Старший ефрейтор гестапо Рейнгард Рецлав некоторое время молча стоит перед микрофоном. Снимает очки, протирает стекла платком. Нет, не яркий свет юпитеров слепит его. Маленький газетный рассыльный чувствует на себе сотни суровых, неумолимых глаз. Тех, кого он не успел замордовать в пыточных камерах на Сумской, 100, не включил в списки для расстрела, не втолкнул в кузов душегубки.

— Расскажите все, что вам известно о применении «газовой машины», — повторяет свой вопрос прокурор Дунаев.

Рецлав отвечает медленно, даже с некоторой печалью в голосе, озабоченный лишь тем, чтобы судьи поняли, как невелик его грех и как искренне, ничего не утаивая, он рассказывает о том, что должно держаться в строгой тайне.

Впервые он увидел газовый автомобиль во дворе харьковской тюрьмы. Серо-зеленый фургон с нарисованными окошками привлек его любопытство — ведь на расстрел обычно возили на других машинах. Солдат СД Каминский объяснил Рецлаву, в чем заключается новый метод истребления русских. Старший ефрейтор мгновенно понял его преимущество — без крови, без лишнего шума, быстро и удобно...

И вот уже через несколько дней Рецлав передает на утверждение комиссару полиции Кархану первый список на 20 человек, подлежащих умерщвлению в газовом автомобиле. Он сам приходит в тюремную канцелярию и наблюдает, как выводят из камер заключенных. Сам объявляет им, что их переводят якобы в другую тюрьму. Сам заталкивает обреченных в машину.

Некоторые из женщин, догадавшись, что это и есть та самая машина смерти, о которой с ужасом рассказывали узники в тюремных камерах, рыдали, бросались на колени, умоляя сохранить им жизнь. Вместе с другими гестаповцами Рецлав скручивал женщинам руки и вталкивал их в ма-

шину. С детьми дело обстояло проще — их хватали за руки и за ноги и с размаху бросали в кузов автомобиля.

У одной из арестованных, напоминает Рецлав, вырвали из рук ребенка, и она забилась в рыданиях, а потом бросилась на стоящего у машины офицера. Тот вынул пистолет и пристрелил ее. Фамилия офицера — Фризе, он член национал-социалистической партии. Сам же Рецлав, как известно господам судьям, беспартийный, и это обстоятельство он просит учесть при вынесении приговора.

Несколько раз Рецлаву приходилось сопровождать душегубку до места выгрузки — в районе барачков тракторного завода.

— Когда привезенные нами трупы умерщвленных людей были сложены в бараке, солдаты СД облили трупы и наружные стены барака бензином. Затем бросили внутрь помещения зажженный факел. Я видел еще шесть подобных барачков, сожженных таким же образом.

Прокурор. С какой целью трупы сжигались?

Рецлав. Назначение газовой машины должно было держаться в строгой тайне, поэтому и следы ее работы подлежали уничтожению.

Прокурор. Сколько всего советских людей было уничтожено при помощи газового автомобиля?

Рецлав. В марте было уничтожено пять тысяч человек. Если учесть, что газовый автомобиль ежедневно совершал свои рейсы, можно считать, что общее количество умерщвленных в Харькове составило примерно тридцать тысяч человек.

Одной из главных задач следствия и трибунала было получить неопровержимые доказательства применения газовых автомобилей для массовых казней. В 1943 году мир еще отказывался верить просачивающимся смутным слухам о «газовых банях» Маутхаузена и Освенцима. Все это оставалось пока за чертой досягаемости.

«Газовая машина», в которой люди уничтожались выхлопными газами мотора, была чудовищной реальностью. Она

открывала счет неслыханным преступлениям нацизма против человечества. «По-немецки она называлась «фергазунгсваген», или, покороче, обиходней, «газсваген», — писал в своих дневниках К. Симонов. — А русское ее название — душегубка — мы привезли уже с харьковского процесса».

30 000 задушенных окисью углерода... Цифра, отщелкнутая, как на счетах, маленьким чиновником гестапо, потрясла зал суда. А ведь машины Беккера-Рауфа собирали свою обильную жатву и в других оккупированных городах. Ганс Риц не раз наблюдал, как в этих машинах «эвакуировалось неблагонадежное население Варшавы», он дает показания о применении душегубок в Риге и Витебске. Свидетель Карл Кош, солдат саперного батальона, видел газовые автомобили в Донбассе.

— Сейчас невесело быть немцем, — говорит он. — Я стыжусь того, что как солдат служил нацистскому знамени. Гитлеровцы празднуют тризну крови всюду, где появляются. Венцом их варварства является газовый автомобиль.

Допрашивая обвиняемых, выслушивая показания свидетелей, военный трибунал под председательством генерал-майора юстиции А. Н. Мясникова шаг за шагом разоблачает одно из самых зловещих преступлений гитлеризма. «Газовый автомобиль оформляется все яснее в процессе суда», — отмечает А. Н. Толстой.

Перед микрофоном угрюмый детина с мрачными сросшимися бровями и тяжелым взглядом убийцы. Этому переводчик не нужен. Он — русский.

На первых допросах у Каверина Буланов пытался скрыть свою работу в гестапо. Но в конце концов пришлось во всем признаться: да, он был шофером душегубки, ремонтировал эти машины. Часто, подметая кузов после очередного рейса, находил там детские шапочки, башмачки. На суде он подробно и обстоятельно описывает устройство этих машин:

— Это двухосный автомобиль, примерно, на пять-семь тонн. Окрашен в серую краску. Мотор шестицилиндровый.

Кузов имеет двухстворчатую дверь, она герметически закрывается. Внутри кузов обит оцинкованным железом, внизу кузова — деревянная решетка. Это пол, на который становятся арестованные. Внизу машины находится выхлопная труба мотора, от которой через специальный шланг в кузов проходит отработанный газ.

— Сколько же людей было умерщвлено при вашем участии в газовой машине? — спрашивает военный прокурор.

— Мне приходилось возить раз двадцать... Значит всего человек шестьсот.

— Скажите, Буланов, какое вознаграждение от немцев вы получали за свою предательскую деятельность? — продолжает свой допрос государственный обвинитель.

— 90 марок, или 900 рублей, а также паек солдатский. Кроме того, вещи, оставшиеся от погибших. Пальто для жены и для себя, два костюма, обуви...

Председательствующий вынужден стучать карандашом по графину, призывая зал к тишине. Он хорошо понимает чувства этих людей, переживших лихолетье оккупации. Могут ли они, чудом оставшиеся в живых, спокойно выслушивать исповедь убийцы и мародера? И не чужеземца, вломившегося к ним в дом с оружием в руках, а своего соотечественника, продавшегося фашистам. «Его в зале суда... ненавидели еще бесповоротней, чем этих трех немцев, хорошо зная, что без таких, как этот четвертый, такие, как эти трое, в чужой стране как без рук» (К. Симонов).

Поблизости от гаража гестапо, где работал Буланов, жила Ульяна Никитична Подкопай. Помнит она, как из железных ворот выезжали на харьковские улицы машины смерти. Помнит, как однажды два гестаповца заталкивали в набитую людьми душегубку плачущую женщину с двумя детьми. Меньшая, не понимая того, что происходит, торопила мать: «Мама, мама, быстрее, а то машина уйдет без нас».

Мог ли предположить француз Ж. Кюньо, построивший в 1769 году «самодвижущуюся коляску» с паровым двигателем — далекий прообраз современного автомобиля — что че-

рез сто семьдесят лет его изобретение, «усовершенствованное» унтерштурмфюрером СС доктором Беккером, будет использовано для умерщвления этих двух харьковских девочек и тысяч других, ни в чем не повинных людей?

Александра Никифоровна Дрошенко, выступавшая на процессе по делу Посевина как потерпевшая, рассказывала мне, как однажды она со своим сыном Сашей побывала в Харьковском историческом музее. Было это уже после войны, Саше хотелось посмотреть образцы старинного оружия. Затем поднялись в залы, посвященные периоду Отечественной войны.

Возле одной из витрин Саша остановился. «Что это за машина, мама?» — спросил он. Александра Никифоровна подошла к нему и вдруг почувствовала, как сжалось сердце: за стеклом стоял омерзительный, страшный фургон, уменьшенная во много раз копия той душегубки, которую она видела во дворе харьковской тюрьмы. Как огнем обожгло — все мгновенно всколыхнулось в памяти: и отчаянные крики арестованных, и ляг железных дверей, и рев мотора, посылавшего в кузов смертоносный газ...

...Председательствующий вызывает в зал суда одного из главных свидетелей по делу о газовом автомобиле — оберштурмбанфюрера СС Георга Хейниша. Служебная карьера этого нацистского генерала началась в ноябре 1923 года, в дни мюнхенского путча. Он был руководителем штурмовых отрядов сначала в Бремене, потом во Франкфурте-на-Майне. Перед самой войной, уже в генеральском чине, он — заместитель начальника штаба Гесса.

Хейниш сообщил суду о совещании между Гитлером, Гимmlером и Кальтенбруннером, на котором было принято решение об использовании газов для истребления мирного населения. В 1943 году генерал-лейтенант фон Альвенслебен, начальник СД и гестапо по Таврии и Крыму, проводил закрытое совещание окружных комиссаров. Хейниш присутствовал на нем как окружной комиссар Мелитополя. Фон Альвенслебен в своем докладе привел данные об использовании

«газзагенов» в Таврической области. К сожалению, говорит Хейниш, эти сведения не сохранились в его памяти.

Прокурор. Свидетель Хейниш, как вы лично относитесь к этому методу уничтожения людей?

Хейниш. Я не имею права критиковать указания фюрера, обусловленные военным временем.

Показания оберштурмбанфюрера Хейниша, приближенного к правящей верхушке гитлеровского рейха, высветили за спинами обвиняемых подлинных организаторов массового истребления людей.

«Глядя на скамью подсудимых, я словно вижу на ней Гитлера,— писал Илья Эренбург.— Слишком тесно сплетены слова фюрера с делами его подданных... Суд идет! Слушай и трепещи, страна-душегубка!»

„ПРИГОВОР ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ И ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ“

Судебный процесс в Харькове близился к концу. Выслушаны объяснения подсудимых, свидетельства очевидцев. На стол судейской коллегии легли акты и заключения судебно-медицинской экспертизы, обследовавшей братские могилы в Сокольниках, Дробицком яру, Подворках.

На утреннем заседании 18 декабря с обвинительной речью выступил военный прокурор полковник Н. К. Дунаев.

— Граждане судьи,— сказал он,— перелистывая кровавые страницы настоящего дела, представляется, что речь идет о самых мрачных периодах средневекового варварства. Но все, что было известно до сих пор, не может сравниться с тем, что натворили фашистские захватчики в эту войну на нашей земле. На этом процессе перед лицом всего мира еще и еще раз показана и доказана чудовищная вина всех подсудимых, как тех, которые уже сидят на скамье подсудимых, так и тех, кто еще будет сидеть на ней.

Военный прокурор решительно отверг попытки обвиняемых оправдать свои преступления выполнением приказов.

— Для ответственности подсудимых,— продолжал государственный обвинитель,— не имеет никакого значения то обстоятельство, что приказы вышестоящих немецко-фашистских инстанций предписывали террор в отношении советского гражданского населения и военнопленных красноармейцев. Есть действия, преступность которых очевидна для каждого... Эти преступления совершались как по приказу гитлеровского правительства и немецкого командования, так и в порядке проявления собственной инициативы подсудимых, отдававших приказание своим подчиненным об истреблении советских граждан. Подсудимые полностью признали это на судебном процессе. Таким образом, вопрос об ответственности их за содеянные преступления является очевидным. Ссылки обвиняемых только лишь на исполнение приказа несостоятельны. «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства», подписанная в 1943 году главами правительств Соединенных Штатов Америки, Советского Союза и Великобритании, совершенно ясно предупреждает, что те германские офицеры, солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за зверства, убийства и казни, или добровольно принимали в них участие, будут судимы по законам тех государств, на территории которых они совершили ссыи злодеяния.

Так впервые была применена в практике судопроизводства историческая Декларация трех союзных держав. Впервые на весь мир было заявлено, что пресловутый «бефель» (приказ) не освобождает от ответственности исполнителей кровавых злодеяний. Этот юридический прецедент впоследствии будет закреплен в решениях Международного трибунала в Нюрнберге.

Заканчивая свою обвинительную речь, военный прокурор Н. К. Дунаев от имени тысяч расстрелянных и сожженных, распятых и задушенных просит суд приговорить всех четверых преступников к смертной казни через повешение.

«Жалким и отвратительным героям этого процесса были предоставлены все возможности защиты» (И. Эренбург). «Им дали последнее слово. Мы не спускали с них глаз. Что они скажут, что могут сказать эти отвратительные палачи, военные мундиры которых обрызганы кровью наших братьев, наших детей, наших родных, стариков?» (Е. Кононенко).

Рыжий капитан Лангхельд, лично убивший, по его же признанию, не менее ста советских людей, упрямо твердит: «Не я один творил зверства, такова вся немецкая армия». Он готов даже осудить гитлеровский режим, который подавил свойственные немецкому народу благородные чувства. Он приводит слова Гете: «Проклятие зла порождает зло», пытаясь представить себя безвинной жертвой приказов и инструкций.

Унтерштурмфюрер СС Ганс Риц, участник расстрелов в Харькове и Таганроге, взывает к гуманности советского суда. Он ссылается на римское право и просит трибунал квалифицировать его вину как «преступление под принуждением». Ведь лично он не получал никакого удовольствия, расстреливая женщин и детей. Исчерпав все свои аргументы, он «...раскис, поблек. Капли пота выступили на его блудливой физиономии». (Е. Кононенко).

Доцент Харьковского института искусств Нина Романовна Логвинова, присутствовавшая на этом заключительном заседании суда, рассказывала мне:

«Когда Риц в своем последнем слове сказал: «Пощадите меня хотя бы ради моей бедной мамы», — в мертвой тишине зала раздался голос Симонова: «А наших матерей вы щадили?» Так, очевидно, думали все мы в эти минуты. Чудовищным было то, что они натворили в нашем городе, и не было в наших душах ни сострадания, ни жалости... Помню, как дали последнее слово предателю Буланову. Рукавом пиджака он то и дело обтирал слезы. Потом вдруг как-то обмяк, опустился на четвереньки и пополз к судейскому столу, умоляя сохранить ему жизнь. Смотреть на это было стыдно. Крас-

ноармейцы подхватили Буланова под руки, увели за сцену. Оттуда еще долго доносились его рыдания и вопли».

Предчувствуя неизбежность справедливой кары, они были готовы на все, лишь бы спасти свою шкуру. Рецлав, составивший списки для уничтожения в душегубках, обещал даже по возвращении в Германию «открыть глаза обманутым пемцам на лживость гитлеровской пропаганды».

Позднее раскаяние... «Если бы уцелели палачи,— писал Илья Эренбург, заканчивая свой последний репортаж из Харькова,— стыдно и бесконечно грустно было бы жить на земле. Они должны быть наказаны, чтобы дети не посмеялись, услышав слово «справедливость».

18 декабря в 23 часа 40 минут генерал-майор юстиции А. Н. Мясников огласил приговор военного трибунала:

— Именем Союза Советских Социалистических Республик

15—18 декабря 1943 года Военный Трибунал 4-го Украинского фронта в составе: председательствующего — Председателя Военного Трибунала фронта генерал-майора юстиции Мясникова А. Н. и членов: полковника юстиции Харчева М. А. и майора юстиции Запольского С. С. при секретаре капитане юстиции Кандыбине Н. М. с участием государственного прокурора — полковника юстиции Дунаева Н. К. и защиты по назначению суда адвокатов Коммодова Н. В., Казначеева С. К. и Белова Н. П. в открытом судебном заседании в гор. Харькове рассмотрел дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков в г. Харькове и Харьковской области, по которому обвиняются:

1. Лангхельд Вильгельм, 1891 г. рождения, уроженец г. Франкфурт-на-Майне (Германия), немец, член национал-социалистической партии с 1933 г., офицер военной контрразведки, капитан.

2. Риц Ганс, 1919 г. рождения, уроженец г. Мариенвердер (Германия), немец, с высшим юридическим образованием, член национал-социалистической партии с 1937 года, заместитель командира роты СС, унтерштурмфюрер СС,

3. Рецлав Рейнгард, 1907 г. рождения, уроженец г. Берлин, немец, со средним образованием, чиновник германской тайной полевой полиции города Харькова, старший ефрейтор,

4. Буланов Михаил Петрович, 1917 г. рождения, уроженец станции Джаныбек, Казахской ССР, русский, беспартийный,—

все четверо — в совершении преступлений, предусмотренных 1-й частью Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

...Руководствуясь статьей 296 УПК УССР и Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года, Военный трибунал фронта —

приговорил:

Лангхельда Вильгельма, Рица Ганса, Рецлава Рейнгарда и Буланова Михаила Петровича к смертной казни через повешение.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Их повесили на следующий день, в воскресенье 19 декабря 1943 года. На Базарной площади, окруженной коробками разрушенных и сожженных зданий, собралось свыше сорока тысяч харьковчан.

«Я не пошел на площадь, где должны были повесить осужденных,— писал впоследствии Илья Эренбург.— Толстой сказал, что должен присутствовать, не смеет от этого уклониться». Вместе с Алексеем Николаевичем на площадь Благоевещенского базара пошел и Константин Симонов. По прошествии многих лет он вспоминал:

«Колебаний — идти или не идти — не было. Ходили каждый день на процесс, слышали и видели все, что там говорилось и делалось, пошли и в этот день, чтобы увидеть все до конца.

Старший из немцев, капитан, там, на процессе, без утайки, однажды решившись, каким-то деревянным голосом рубивший все до конца, и здесь твердо, деревянно, как уже не-

живой, шагнул навстречу смерти в открытый кузов въехавшего под виселицу грузовика, который должен был потом отъехать. Другим немцам было очень страшно, но они до последней секунды силились держать себя в руках. Шофер душегубки Буланов от ужаса падал на землю, вываливаясь из рук державших его людей, и был повешен, как бесформенный мешок с дерьмом.

Толпа на площади, пока шла казнь, сосредоточенно молчала. Я ни тогда, ни потом не раскаивался, что пришел туда, на площадь. После всего, что я слышал на процессе, следовало увидеть и это. По правде сказать, тогда мне даже казалось, что не пойти туда и не увидеть всего до конца было бы какой-то душевной трусостью.

Ни из какой самой тяжелой фронтальной поездки я еще не возвращался в Москву с таким камнем на душе, как тогда из Харькова...»

ЭХО ХАРЬКОВСКОГО ПРОЦЕССА

Вискалеченный город медленно возвращалась жизнь. Суровой, с обильными снегопадами, была та первая после освобождения зима. Чтобы согреться, в заводских цехах разжигали костры. Разбитые окна затыкали тряпками, забивали картоном и фанерой. Станки, пока не было электричества, приходилось крутить вручную. Моторы отогревали факелами, застывшую эмульсию нужно было вырубать зубилом.

Работали в основном женщины и старики. При свете коптилок, сделанных из сварядных гильз. По двенадцать и более часов в сутки. Выходили на работу и по выходным. Каждый понимал: оживить мертвые заводские руины можно лишь невероятным напряжением сил.

В декабре сорок третьего, в дни, когда шел судебный процесс, из ворот паровозоремонтного завода вышли первые локомотивы. Завод «Свет шахтера» изготовил партию паровых насосов и ручных лебедок для разрушенных шахт Донбасса. Ожила астрономическая обсерватория, начались занятия в

выстуженных аудиториях университета. Редкие трамваи появились на улицах города.

В понедельник 20 декабря на предприятиях города состоялся митинг, посвященный только что окончившемуся процессу. В паровозном депо станции Основа собралось около 800 человек. Мастер промывочного цеха Буцуев сказал: «Возмездие наступило. Приговор справедливости вынесен и приведен в исполнение. Недалек день полной расплаты. Чтобы приблизить его, мы, транспортники Южной железной дороги, обеспечим бесперебойную доставку фронту всего необходимого».

Во всех центральных газетах были напечатаны материалы харьковского процесса. Без всякого преувеличения можно сказать, что их в те дни читала вся страна, фронт и тыл. «Это только первый суд над немцами,— сказал рядовой Гончаров.— Мы будем карать гитлеровцев днем и ночью здесь, на поле боя». (Ленинградский фронт).

Процесс в Харькове вселял веру в скорое и неминуемое возмездие. Пророческие слова произнес композитор Д. Д. Шостакович: «Гитлер ответит за все свои преступления... Оберпалач разделит судьбу своих подручных». В «Комсомольской правде», которая вышла в день казни четверых преступников, писатель Федор Гладков писал: «Страдания Харькова — одна из очередных страниц в кошмарной книге кровавых преступлений фашизма... Гром наших пушек уже услышан в Берлине. Близок день страшного возмездия. Наши снаряды, мины и бомбы начинены огненным гневом.» В том же номере помещены стихи Василия Лебедева-Кумача:

Как их назвать, вот этих четверых?
Им не придумаешь ни клички, ни названья.
От века, от начала мироздания
Земля не знала выродков таких...

Сквозь кровь и слезы, сквозь предсмертный стон
От «душегубок», от расправ зверных
Паучьи нити тянутся к Берлину,
Где вурдалак устроил свой приют.

Откликами на приговор харьковского суда, были полны декабрьские номера газет.

«Мы знали очень много о кровавых злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, но то, что выявил харьковский процесс, далеко превосходит все слышанное и виденное». (Композитор Н. Я. Мясковский).

«Читать подробности гитлеровских злодеяний, раскрытых на харьковском процессе, было очень трудно. Все время стоят перед глазами эти мрачные «душегубки» — изощреннейшее орудие смерти, продукт самой озверелой и жестокой выдумки». (М. Д. Михайлов, народный артист СССР).

«Харьковский процесс еще раз напомнил то, о чем мы, впрочем, не могли бы забыть, если бы даже захотели, — сказал академик Е. В. Тарле. — На нас напал и ведет с нами войну враг, в котором не только нет и признака человеческих чувств, но который долгими годами специально тренировался именно для того, чтобы к моменту разбойничьего нападения на русский народ быть готовым к бестрепетному истреблению сотен тысяч ни в чем не повинных людей».

Писатель Юрий Смолич, изо дня в день присутствовавший в зале суда, задумывается над значением процесса в Харькове для воспитания будущих поколений советских людей. Материалы процесса, разоблачившего подлинную суть фашизма, необходимо издать отдельной книгой. «Эту книгу должен прочитать каждый старик и изучить каждый школьник. Мир должен знать все тяжкие, невыразимые страдания, которые испытал наш народ, мир должен знать всю глубину мерзости гитлеризма, мир должен хорошо знать то, что никогда не должно повториться».

Пожелание писателя сбылось. В том же сорок третьем году, в рекордно короткий срок стенограммы процесса были изданы в Москве массовым тиражом. Чуть позже вышло в свет украинское издание всех материалов военного трибунала со статьями М. Рыльского, П. Тычины, Ю. Смолича, П. Панча.

В Ленинской библиотеке мне посчастливилось увидеть книгу небольшого формата на французском языке «Преступ-

ление и наказание. Процесс в Харькове». Это полная стенограмма заседаний военного трибунала, изданная женеvским издательством «Клярте» в декабре того же сорок третьего года, то есть спустя всего несколько дней после окончания харьковского процесса.

В приложении к женеvскому изданию приведены фрагменты статей А. Толстого, Д. Заславского и Е. Кононенко. В считанные дни книгу раскупили — таков был интерес к первому в истории процессу над военными преступниками. Один из экземпляров этой книги приобрел Николай Александрович Рубакин, известный русский писатель и книговед, который с 1907 г. жил в Швейцарии. Владимир Ильич Ленин неоднократно пользовался сочинениями Рубакина, особенно часто прибегал к помощи его книги «Россия в цифрах», используя приведенные в ней статистические сведения для своих статей и брошюр.

Находясь в эмиграции, Н. А. Рубакин не порывал связи с Родиной. Не удивительно, что книга о судебном процессе над фашистами заинтересовала писателя и патриота и заняла место на полках его уникальной библиотеки. В 1946 году Н. А. Рубакин скончался, а его богатейшее книжное собрание, согласно завещанию, поступило в фонды главной библиотеки нашей страны. Среди многих тысяч томов оказалась и эта небольшая книжечка с экслибрисом ее владельца — бесценная реликвия, свидетельство того общественного резонанса, который вызвал во всем мире процесс в Харькове.

В течение нескольких месяцев «харьковский прецедент» комментировали на страницах зарубежной печати журналисты, политики, правоведы. Сразу же по прибытии американских корреспондентов из Харькова их принял в своей московской резиденции посол Соединенных Штатов Америки в СССР Аверелл Гарриман. В состоявшейся беседе журналисты сообщили послу о строгом соблюдении судом процессуальных норм, об обоснованности предъявленных преступникам обвинений. Все присутствовавшие на процессе были полностью убеждены в виновности подсудимых и справедли-

ности вынесенного приговора. Гарриман незамедлительно информировал об этом госдепартамент.

Одним из известных журналистов, побывавших на харьковском процессе, был Ральф Паркер. Он был корреспондентом двух влиятельнейших газет — «Таймс» (Великобритания) и «Нью-Йорк-таймс» (США). Журналистская деятельность Паркера началась еще в тридцатые годы в странах Восточной Европы, первыми попавших под сапог гитлеровской агрессии.

После оккупации Праги Паркер работал в Белграде, потом в Стокгольме. В сентябре сорок первого года Паркера по его просьбе переводят в Москву. В своих репортажах из Советского Союза он рассказывал на Западе о том, что видел своими глазами — о жестоких боях на Восточном фронте, о мужестве и героизме советских воинов, о разгроме немцев под Сталинградом.

В Харьков Паркер прилетел с группой иностранных корреспондентов 18 декабря. «Дуглас» минут на сорок завис над городом — низкая облачность мешала посадке. В зал суда журналисты попали, когда военный прокурор уже произносил свою обвинительную речь. В своем репортаже из Харькова Паркер писал:

«Лет пять, примерно, тому назад я стоял на улицах Праги, когда в город вступали дивизии СС «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова». Я был в Чехословакии, когда эти чудовища начали там свою варварскую кампанию против славянского народа. Один обергруппенфюрер сказал мне, что славяне не такие люди, как немцы. И на украинском суде я понял, что он был прав, хоть и не в том смысле, который он имел в виду. Ибо подсудимые и все, кого они представляют, это люди только по внешнему виду и заслуживают того, чтобы их умертвляли как зверей. Суд начался. Советский приговор оглашен... Как англичанин, который видел, какие страдания принесли немцы английским городам, английским женщинам и детям, я говорю — пусть суд продолжается, пусть петля душит преступников!»

Среди других журналистов, передававших свои репортажи с харьковского процесса, были американец Стивенс и француз Шампенуа. Вот что рассказывал о них в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург:

«В декабре 1943 года я возвращался из Харькова, где судили немцев, уличенных в массовых убийствах жителей. В купе сидел А. Н. Толстой. Пришел американский журналист Стивенс. Заговорили о будущем. Вдруг кто-то трахнул бедного Стивенса по голове — на верхней полке лежал французский журналист Шампенуа. Он не мог терпеть разговоров о том, что предпочтителен «мягкий мир»... (С Шампенуа я подружился. Прежде он был корреспондентом телеграфного агентства Гавас, но когда посол Бержери — в прошлом ультраевый — по указанию Виши покинул Москву, Шампенуа остался у нас, писал во французских газетах, выходивших в Лондоне. После войны он попробовал вернуться на родину, но оказалось, что он привязался к Москве. Он умеет по-русски выпить, по-русски проговорить полночи обо всем и ни о чем, о вздоре и о самом главном. Это человек, лишенный и честолюбия, и житейской смекалки, в минуту душевной нежности он балагурит или ругается, пишет стихи — для себя, нигде их не печатает)».

Человеком интересной судьбы был и Эдмунд Стивенс, корреспондент американской «Крисчен сайенс монитор». Жизнь и репортерская работа его в течение многих десятилетий также была связана с нашей страной.

Эта книга уже находилась в производстве, когда, развернув номер «Советской России» за 6 апреля 1989 года, я прочитал пространное интервью с Э. Стивенсом.

«Я впервые приехал в Москву в 1934 году, — рассказывает Э. Стивенс. — Устроился в издательстве иностранных рабочих. Было тогда такое, оно принадлежало Коминтерну. Поначалу работал больше переводчиком, я в совершенстве знал итальянский и французский, русский, правда, изучил уже здесь, в России. Через год женился. Жена Нина Андреевна работала в том же издательстве. Мы и по сей день вместе...

Нам с женой дали комнату в коммуналке, работой был очень увлечен, готовил к печати сборники избранных статей В. И. Ленина, другую политическую литературу. Правда, продолжалось это недолго. В 1937 году меня уволили. Наш дом тогда опустел больше чем наполовину, я тоже ждал ареста. Но тронуть меня, видимо, не решились, хотя я и был женат на русской, но сохранил американское гражданство... Благодаря Максиму Литвинову, тогдашнему наркому иностранных дел, нам с женой перед самой войной разрешили выехать в Штаты. У нас к тому времени был трехлетний сын. Как только мы покинули Советский Союз, меня лишили визы...»

С первых же дней войны Э. Стивенс, в ту пору уже активный сотрудник многих влиятельных европейских и американских газет, предпринимает ряд попыток вернуться туда, где в яростных схватках с врагом решались судьбы мира. В конце концов, при помощи Аверелла Гарримана, посла США в СССР, ему это удается. С 1943 года как корреспондент «Крисчен сайенс монитор» Стивенс работает в Москве. За годы войны он побывал почти на всех фронтах Великой Отечественной. Свой репортаж из Ленинграда он писал в первый же день после снятия блокады, был в только что освобожденном Минске, в Полтаве, в лежащем среди руин Харькове...

Харьковский процесс до сих пор не стерся из его памяти. Сохранились фотоснимки, дневниковые записи... Как о событии огромного политического значения он писал о нем свои репортажи в «Крисчен сайенс монитор», а впоследствии в книге очерков «Россия — не загадка», изданной почти на всех европейских языках.

Широко освещали процесс газеты Великобритании. «То, что рассказано подсудимыми на харьковском процессе, превосходит все границы падения человеческой нравственности», — писала «Санди экспресс». Другая популярная в Англии газета «Дейли экспресс» отмечала, что «никогда еще страдания русского народа или безжалостность и подлость его врагов не были так ярко обрисованы, как словами этих людей, которые расплачиваются за свое участие в попытке умертвить целый

народ. Этот процесс показывает изнутри планы нацистов по отношению к завоеванным народам». Возгласы одобрения, которыми русские встретили приговор харьковского суда, отмечает газета, выражают одобрение всего цивилизованного мира.

Во время войны в Лондоне выходило специальное издание «Совьет Уор Ньюс Уикли». Газета помещала репортажи с Восточного фронта, разнообразную информацию о Советском Союзе. В № 101 от 23 декабря 1943 г. на нескольких полосах был опубликован сокращенный перевод статей Алексея Толстого из «Правды» под заголовком «Нацистские убийцы перед лицом советских судей». В двух последующих номерах печатаются материалы процесса — обвинительные заключения, допрос подсудимых, показания свидетелей.

Газета английских коммунистов «Дейли Уоркер» вступила в резкую полемику с теми, кто утверждал, что нельзя судить солдата за выполнение воинского приказа. В номере от 3 января 1944 г. газета писала:

«На суде Риц пытался оправдать свои преступления, заявляя: «Я солдат». Это была ложь. Солдат сражается на поле битвы с другим солдатом, один вооруженный человек против другого вооруженного человека. Риц совершил нечто другое. Он пытал и расстреливал мирных безоружных граждан. Таким образом, Риц стал преступником, и законы войны должны быть направлены против него как против обыкновенного бандита, виновного в совершении уголовных преступлений».

Приговор в Харькове долгое время находился в центре внимания американской прессы. Комментатор радиовещательной компании «Колумбия» Харш заявил, что трибунал в украинском городе — «первый настоящий суд над военными преступниками во всей истории, первый серьезный шаг, направленный на привлечение лиц, виновных в зверствах, к суду справедливости... Этот суд, возможно, является важнейшим шагом нашего периода на пути к обеспечению безопасности мира». Открытость и демократичность харьковского суда подчеркивал журнал «Коллиерс».

Справедливости ради следует заметить, что не все американские газеты объективно освещали закончившийся процесс. «Нью-Йорк пост», орган враждебно настроенных к СССР военно-промышленных кругов, то ли случайно, то ли с намеренно провокационной целью подала сообщение из Харькова под броским заголовком: «Три нациста и один красный (?) повешены в Харькове как военные преступники». Это вызвало решительный протест со стороны коммунистической «Дейли Уоркер». Воспроизводя заголовок из «Нью-Йорк пост», газета американских коммунистов писала: «Вы заметили нечто странное в заголовке? Взгляните вновь, и вы увидите то, что мы отметили сразу: один из четырех военных преступников, только что повешенных в Харькове, назван красным... Кто несет ответственность за использование слова красный (red) вместо «крыса» или «предатель» (rat)? Было ли это только корректорской ошибкой или «уткой» с целью внедрить нечто антисоветское в сознание читателей «Нью-Йорк пост»?»

Реплика журналистов из «Дейли Уоркер» возымела свое действие, и последующая корреспонденция о казни военных преступников вышла в «Нью-Йорк пост» под заголовком «Русские собрались, чтобы увидеть на виселице трех нацистов и одного предателя».

Вести о событиях в Харькове доходили до самых отдаленных уголков планеты. Газета «Таймс оф Цейлон», комментируя итоги судебного процесса, писала 19 декабря 1943 года: «Гитлер является военным преступником № 1, за ним следуют Гиммлер и Розенберг — таков вывод суда в Харькове. Подсудимый Риц заявил, что всему виной система полной безнаказанности и жестокости».

В том же номере появилось сообщение о реакции правительства Германии на процесс в Харькове. В нем говорилось, что суд над «беззащитными немецкими военнопленными является нарушением международных соглашений о правилах ведения войны. Обвинения патологически нелепы и ничем не подтверждены».

В связи с этим правительство Германии предупредило правительство двух англосаксонских стран, находящихся в военном союзе с Россией, что их молчание будет расцениваться как поддержка противоправных репрессий против военнопленных. В этом случае немецкие военные суды приступят к рассмотрению дел о наказании американских и британских военнопленных, виновных в совершении преступлений против немецкого народа.

О первом суде над фашистскими преступниками стало известно и в тех странах Европы, которые были оккупированы гитлеровцами. Для порабожденных народов это был радостный и долгожданный знак скорой и неотвратимой расплаты, которая ждет палачей, еще продолжающих кровавые репрессии во Франции и Бельгии, Чехословакии и Голландии.

В музее книги Библиотеки им. Ленина, где хранятся наиболее ценные и редкие издания, я беру папку с фотокопиями подпольного издания «Юманите». В августе 1939 года орган французских коммунистов был запрещен и выходил нелегально. Типографского шрифта не было, газета печаталась на обыкновенной пишущей машинке и тиражировалась фотоспособом.

Просочилось ли в оккупированную Францию известие о процессе? Услышали ли французы грозный набат возмездия из далекого украинского города? С волнением листаю стопку этих маленьких самодельных газет, которые с угрозой для жизни распространялись патриотами.

Вот газета за декабрь 1943 года... В № 266 газета сообщает: «Три немецких военных преступника и один предатель были приговорены к смерти за убийства женщин и детей. Пятьдесят тысяч человек присутствовало при казни этих мерзавцев». Газета выражает уверенность, что наступит день, когда Пьер Лаваль, глава коллаборационистского правительства, тоже будет болтаться «на конце веревки».

В последующих выпусках, получив, очевидно, более расширенную информацию, «Юманите» продолжает комментировать харьковский процесс. Добрая половина газеты от

января 1944 г. посвящена подробному описанию вины подсудимых, пыткам и расстрелам мирных жителей, применению «душегубок». И вновь, как и в предыдущем номере, газета призывает патриотов наказать тех преступников, которые творят бесчинства на французской земле: «Советский Союз отомстил гитлеровским варварам. А у нас убийца Пюшера, приговоренный к смерти французским Сопротивлением, до сих пор продолжает благоденствовать». Последняя корреспонденция о харьковском процессе в номере от 14 января 1944 года закапчивалась словами: «Смерть немецким захватчикам и тем предателям, которые им служат!»

В Германии о суде в Харькове узнали из сообщений московского радио. Невеселым был канун рождества сорок третьего года для немцев. Победоносные марши утонули в океане похоронок. Крах военной авантюры Гитлера ни в ком уже не вызывал сомнений. Тщетно вопил Геббельс: «Война ведется и выигрывается не только силой оружия, но и силой сердец... Побежден только тот, кто признает себя побежденным». Но обманывать верноподданных становилось все трудней. С каждым днем неотвратимо приближались к границам рейха советские танки. Приближалось возмездие...

Голосом немцев-антифашистов была московская радиостанция «Фрайес Дойчланд», где активно сотрудничали Эрих Вайнерт, Фридрих Вольф и Вилли Бредель. Обращаясь по радио к немецкому народу, они разоблачали истинные цели Гитлера и его клики.

По некоторым устным свидетельствам, Вилли Бредель был зимой сорок третьего года на процессе в Харькове. Однако разыскать упоминание об этом в печатных или архивных материалах мне до сих пор не удалось. Видный писатель-антифашист, он в начале тридцатых годов был обвинен в государственной измене и заключен в концлагерь «Фюльсбютель». В 1934 году с невероятными трудностями Бредель вырвался из рук гестапо и эмигрировал в Советский Союз. С первых же дней войны Бредель с микрофоном в руках обраща-

ется из окопов к солдатам вермахта с призывом сложить оружие и не участвовать в захватнической войне. Он выступал перед немецкими военнопленными, готовил тексты листовок, разбрасываемых с самолетов над позициями немецких войск. Конечно же, такое событие, как первый судебный процесс над немецкими преступниками, должно было непременно привлечь Вилли Бределя. Так это или иначе, но о процессе в Харькове «Фрайес Дойчланд» подготовил специальную передачу. Обращаясь к немецкому народу, антифашистский комитет предупредил руководителей гитлеровской Германии, что суд в Харькове является прелюдией к той расплате, которую понесут все нацистские преступники: «По мере того как Красная Армия победоносно продвигается вперед, военных преступников будут находить каждый день во вновь освобожденных районах. Всех этих лиц ждет суд. Мы обращаемся к немецкому народу помочь нам установить вину этих людей за чудовищные злодеяния, и таким образом немецкий народ снимет с себя часть вины за совершенные преступления».

После харьковского процесса среди юристов и политиков с новой силой разгорелась полемика о процедуре наказания главных военных преступников. Секретарь национальной гильдии юристов США Д. Поппер, высоко оценивая значение суда в Харькове как исторического прецедента, назвал его триумфом международного права и справедливости, первым шагом, предпринятым союзной державой для осуществления Московской и Тегеранской конференций.

Чешский юрист В. Бенеш, анализируя законодательно-правовые и процессуальные особенности харьковского процесса, писал, что он «продемонстрировал миру, что наказание военных преступников может быть успешно осуществлено в хорошо организованном обществе и в то же время могут быть соблюдены все необходимые гарантии материального и процессуального права». Министр иностранных дел Бельгии Спаак, поддерживая идею создания международного трибунала, заявил: «Военные преступники должны быть суди-

мы и наказаны приблизительно так, как это было сделано русскими».

Казалось бы, Декларация, принятая на Московской конференции, а также проведение первого судебного процесса, получившего такой широкий и в целом положительный резонанс, уже исключали правомочность прежних дебатов: судить или казнить? Но, как это ни парадоксально, сам Черчилль, поставивший свою подпись под Московской декларацией, теперь снова пытался воспрепятствовать судебному наказанию главарей гитлеровской Германии. Выступая 4 октября 1944 года, премьер-министр Великобритании заявил: «Нет уверенности в том, что для таких преступников, как Гитлер, Геринг и Гиммлер, следует принять процедуру суда». Ему вторил лорд Хэнки: «Судебные процессы над военными преступниками представляют собой исключительно опасные прецеденты для будущего». Не осталось в стороне и духовенство: оно полностью разделяло взгляды политиков-тори. «Я хотел бы видеть этих людей вне закона,— сказал архиепископ Йоркский, имея в виду главарей гитлеровской Германии.— Не следует организовывать публичный процесс со всеми его сенсациями и возбуждениями».

Лондон пытался оказать давление на своего заокеанского партнера. Правительство Великобритании предложило использовать главных военных преступников в качестве подопытных животных на ядерных испытаниях в Тихом океане. Высказывались и другие, не менее нелепые и кощунственные предложения — поместить Гитлера и его подручных в психиатрические больницы, сослать на необитаемый остров. Находились и такие сердобольные джентльмены, которые считали, что судьбу заправил рейха должны решить сами немцы, дабы «не вызвать в германском народе враждебных чувств к союзникам».

В феврале 1945 года, за три месяца до окончания войны, вопрос о наказании главных военных преступников еще окончательно не был решен. Черчилль еще продолжал

отстаивать свою позицию. Вот запись заседания глав трех союзных держав в Ялте:

«9 февраля 1945 г. 16 час. Ливадийский дворец.

Черчилль считает, что лучше всего было бы расстрелять главных военных преступников, как только они будут пойманы. Черчилль понял маршала Сталина так, что перед расстрелом главные преступники должны быть судимы.

Сталин отвечает утвердительно.

Черчилль спрашивает, какова должна быть процедура суда: юридическая или политическая?

Рузвельт заявляет, что процедура суда не должна быть слишком юридической. При всех условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы.

Черчилль говорит, что, по его мнению, суд над главными преступниками должен быть политическим, а не юридическим актом».

Сухие строки протокола не могут скрыть острой борьбы мнений. Черчилль, предлагающий казнь без суда, остается в одиночестве. Но каким должен быть судебный процесс? Закрытым, без лишней огласки, как считает Рузвельт, или публичным, на чем всегда настаивала советская сторона?

Долгие дебаты о процедуре наказания были, наконец, закончены на Потсдамской конференции «большой тройки» в июле—августе 1945 года. В сообщении о конференции говорилось: «Три правительства подтверждают свои намерения передать этих преступников скорому и справедливому суду... Они считают делом огромной важности, чтобы суд над этими главными преступниками начался как можно скорее. Первый список обвиняемых будет опубликован до 1 сентября сего года».

Путь к правосудию был открыт. 8 августа 1945 года в Лондоне союзными державами было заключено Соглашение о судебном преследовании главных военных преступников европейских стран, учрежден Международный трибунал и принят его устав.

Прелюдия к Нюрнбергу была завершена...

ДОКУМЕНТЫ „СССР-32“ И „СССР-43“

Свершилось то, к чему взывали миллионы замученных.

То, чего с надеждой и нетерпением ожидали истерзанные сердца живых.

В бывшей партийной столице нацистов, где еще недавно надрывно гремели фанфары и тысячи штурмовиков с факелами в руках присягали на верность фюреру, 20 ноября 1945 года открылось первое заседание Международного военного трибунала.

Не капитан Лангхельд, не унтерштурмфюрер Рип, на совете которых было «всего» несколько сотен жертв, сидят на скамье подсудимых. Перед Судом народов в Нюрнбергском дворце юстиции держат ответ 24 главных военных преступника — теоретики и практики фашизма, творцы агрессивных разбойничьих планов, создатели гигантской по своим масштабам государственной машины уничтожения.

За те семьсот с лишним дней, которые прошли после первого суда над фашистами, человечество узнало безмерно страшную правду о кремационных печах Маутхаузена и Дахау, о стерилизации женщин, об абажурах из человеческой кожи, об искусственном заражении детей эпидемическими болезнями, о тысячах самых изощренных преступлений, которые составили мрачную летопись злодеяний фашизма. Но то, что было раскрыто в Харькове, не отступило на задний план перед лавиной новых, все более ужасающих фактов. Голос военного трибунала 4-го Украинского фронта, вынесшего первый приговор возмездия, был услышан и в Нюрнберге.

Известная американская публицистка Вера Дин еще в 1943 году, сразу же по окончании харьковского процесса, отметила, что целью трибунала в Харькове было не только осудить трех немцев и одного русского, но и получить от подсудимых материалы для обвинения Гитлера и его клики. Перелистывая сегодня тома с материалами Нюрнбергского

процесса, убеждаешься в прозорливости этого высказывания.

В обвинительном заключении, подписанном от имени своих стран четырьмя главными обвинителями — Р. А. Руденко, Х. Шоукроссом, Р. Джексоном и Ф. де Ментоном, среди четырнадцати городов Советского Союза, подвергшихся варварскому разрушению, назван Харьков, в котором «около 195 000 людей были замучены, расстреляны или задушены в «душегубках».

В течение четырех дней выступал на процессе в Нюрнберге помощник главного обвинителя от СССР старший советник юстиции Лев Николаевич Смирнов. В числе предъявленных им суду доказательств преступлений нацистов против мирного населения, были документы «СССР-32» и «СССР-43». Так были обозначены приговор военного трибунала 4-го Украинского фронта и «Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о зверствах немецко-фашистских захватчиков в г. Харькове и Харьковской области».

Значительная часть выступления Л. Н. Смирнова была посвящена раскрытию одного из наиболее варварских преступлений гитлеризма — использованию «душегубок». Опираясь на материалы харьковского процесса, в частности на показания Рецлава и Буланова, Л. Н. Смирнов подробно описал конструкцию этих машин, а также привел факты сжигания трупов умерщвленных в душегубках людей. «Мне кажется, — говорил помощник главного обвинителя от СССР, — что не случайно «душегубки» появились на территории СССР именно в 1942 году. В то время главные преступники еще были уверены в победе и приступили к практическому осуществлению созданных ранее планов истребления народов Европы. Они не боялись тогда ответственности за преступления...» Так «дело о газовом автомобиле», начатое в Харькове в 1943 году, было продолжено в Нюрнберге. В нем, в этом деле, были документы об использовании душегубок в Керчи и Ровно, Краснодаре и Ставрополе. «Самый факт применения

этих машин, — делает вывод Л. Н. Смирнов, — является тягчайшим обвинением германского фашизма».

Одной из важнейших задач обвинения было доказать, что чинимые гитлеровцами преступления не возникали стихийно, сами по себе. Они были результатом специально разработанной системы обучения палаческому ремеслу. «Кадры убийц готовились в специальных учебных заведениях, — указывал в своем выступлении Л. Н. Смирнов. — Сеть этих учебных заведений доходила почти до нижних чинов». Суду были предъявлены показания Рецлава о подготовке чиновников гестапо в батальоне особого назначения «Альтенбург», которые стали одним из неопровержимых доказательств существования четко отлаженной государственной машины преступлений.

После выступления Л. Н. Смирнова началась демонстрация кинодокументов о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на территории Советского Союза.

Бабий Яр в Киеве, штабеля трупов на улицах Ростова и Таганрога, противотанковый ров в Керчи с останками расстрелянных детей...

«Эти кадры сменяют следующие, еще более страшные, — вспоминал представитель ЧГК на Нюрнбергском процессе С. Т. Кузьмин. На экране освобожденный Харьков. На улицах и площадях трупы расстрелянных мирных жителей. Всюду следы ужасных злодеяний, совершенных гитлеровцами. Они сожгли госпиталь, переполненный тяжелоранеными красноармейцами. Здесь были обнаружены сотни трупов. Комиссия экспертов установила, что многих калек, безногих заживо сожгли... Во время просмотра фильма подсудимые нервничали, их лица были бледны и сведены судорогой страха перед грядущим возмездием. После окончания фильма Геринг закрыл лицо руками. Кейтель вытирает платком лоб, глаза. Франк долго не может прийти в себя...»

В ходе процесса обвинители предъявили 2630 документов о злодеяниях гитлеровских палачей. Но хор адвокатов в черных и фиолетовых мантиях продолжал взывать к милосердию

и всепрощению: «Господа судьи, ваши армии освободили Германию от тирании нацизма, освободите же вы сейчас мир от возмездия... Мы все должны постичь вечную истину: «Мы рождены не для взаимной ненависти, а для взаимной любви».

Лгали, изворачивались и сами подсудимые, пытались любым способом выгородить себя. Дружно, словно сговорившись, пытались всю вину свалить на фюрера, а себя изобразить послушными исполнителями его приказов. «Мы все были тенью Гитлера», — сказал Риббентроп. «Путь Гитлера был просто авантюрой», — вторил ему Франк. «Для солдата приказ есть приказ», — упрямо твердил Кейтель.

Старая песенка о приказе, слышанная уже не раз от солдат и офицеров гитлеровской армии, повторялась и здесь, где на скамье подсудимых самые высокопоставленные нацистские бонзы. В своей речи главный обвинитель от СССР Роман Андреевич Руденко говорил по этому поводу: «Некоторые подсудимые в своих показаниях Трибуналу пытались представить себя убогими карликами, слепыми и покорными исполнителями чужой воли — воли Гитлера». В связи с этим Р. А. Руденко напомнил, что уже на харьковском процессе (и в этом его огромное историческое значение) было со всей решительностью заявлено, что ссылка на приказ начальника не освобождает подчиненных от ответственности. Там подсудимые тоже пытались прятаться за приказы Гитлера, говорил советский обвинитель. Поэтому в Уставе Международного трибунала специально было оговорено, что исполнение явно преступного приказа не освобождает от уголовной ответственности.

Им не удалось уйти от расплаты. В ночь на 16 октября 1946 года справедливая кара настигла палачей. Суд над фашизмом, начавшийся в Харькове, завершился в Нюрнберге.

Но разве все военные преступники понесли заслуженное наказание?

Разве не кощунство над памятью мертвых считать, что процесс возмездия завершился, если хотя бы один убийца разгуливает на свободе?

КОРИЧНЕВЫЕ ПРИЗРАКИ

Вместо эпилога

Рауф попал в плен к англичанам в апреле сорок пятого. Его арестовали в Милане, где последние полтора года он руководил управлением СД и охранной полиции.

В то время, когда во Дворде юстиции на Фюрштрассе шли заседания Международного военного трибунала, бывший штаандартенфюрер находился в «лагере для интернированных лиц» в итальянском городе Римини, живописном местечке на берегу Адриатического моря.

Здесь был, конечно, не Освенцим и не Майданек. Заключенные жили в чисто выбеленных бараках, свободно разгуливали по территории. Шахматы, свежие газеты, вполне приличное питание. Раз в неделю, по воскресеньям, приходил капеллан для душевспасительных бесед с верующими.

С первого же дня Рауфа не оставляла мысль о побеге. Охрана лагеря была чисто символической — ни колючей проволоки, ни злобных овчарок. Даже сторожевых вышек не было. Но куда бежать? Судьба и так благоволила к нему — можно ведь было угодить в руки русских, а это бы означало верную смерть. И все же находиться в лагере было не безопасно, надо было искать выход.

Он не знал, что в объятom пламенем Берлине, за несколько дней до капитуляции, все высокопоставленные нацисты были снабжены поддельными документами. «Опускайтесь на дно, затеряйтесь в вермахте», — сказал, прощаясь со своими подручными, Генрих Гиммлер. В кармане у него уже лежало удостоверение на имя сержанта Генриха Хитцингера. Убийца и палач Эйхман стал Адольфом Бринкманом. Шеф главного имперского управления безопасности Кальтенбруннер бежал в Альпы под именем коммерсанта Артура Шейдлера.

Рауф остался Рауфом. То ли в Милане не было возможности обзавестись фальшивым паспортом, то ли он надеялся

что на Принцальбрехтштрассе успели уничтожить все уличающие его документы. Но на первом же допросе в лагере он сообщил свою подлинную фамилию, изменил только имя — назвал себя Германом. Вскоре он понял, что совершил непростительную оплошность. 18 октября на очередном допросе ему были предъявлены копии злополучных рапортов доктора Беккера об эксплуатации «газвагенов». Пришлось признать, что они были адресованы ему. На следующий день он дал под присягой письменное показание:

«Настоящим я свидетельствую, что прилагаемое письмо, написанное доктором Беккером 16.05.42 г., представляет собой подлинное письмо... Я не знаю точное количество «душегубок», которые находились в действии, и не могу дать даже какой-либо примерной цифры. Эти машины производились в Германии на заводах Зауэра, расположенных, как я думаю, в Берлине. Некоторые другие фирмы также производили автомашины. Насколько мне известно, «душегубки» применялись только в России. Я могу утверждать, что эти машины действовали в 1941 году, и я лично думаю, что они применялись вплоть до окончания военных действий».

Обращает на себя внимание обтекаемость формулировок, неопределенность ответов. «Крестный отец» душегубок не знает, сколько машин было произведено. Он затрудняется назвать заводы, на которых они изготавливались. И вообще он, Рауф, не имел к этому никакого отношения, а в последние полтора года и вовсе не работал в аппарате главного имперского управления безопасности.

Интересно и другое. Британская разведслужба осведомлена, к каким преступлениям причастен Рауф. Но никаких попыток к расследованию их никто не предпринимает. Больше того, Рауфа с тех пор не вызывают на допросы, никто им не интересуется.

И все же чувство нависшей опасности не покидало его. Из газет Рауфу стало известно, что его показания и рапорт доктора Беккера оглашены на процессе в Нюрнберге. Начальник айзатцгруппы «Д» Отто Олендорф был допрошен

в судебном заседании советским обвинителем Ю. В. Покровским.

Покровский. Вы сказали, что для казни применялись специальные машины? Вы имели в виду «системы Беккера»?

Олендорф. Да.

Покровский. Не знаете ли вы, где и с помощью кого «изобретатель» Беккер реализовал свои «изобретения»?

Олендорф. Я помню только, что все это происходило во втором управлении главного имперского управления безопасности, но я не могу сказать этого точно.

Покровский. Вы сказали, что в этих машинах казнили главным образом женщин и детей. По каким соображениям?

Олендорф. Существовал категорический приказ Гимлера по этому поводу. Женщины и дети согласно этому приказу должны были умерщвляться именно таким образом, чтобы избежать лишних душевных волнений...

Олендорф не назвал Рауфа, хотя ему отлично было известно, кто занимался вопросами эксплуатации машин доктора Беккера. Но это не успокаивало Рауфа — в конце концов могут добраться и до него. По ночам палача душил страх. Задавал себе один и тот же вопрос: как и куда бежать? Как и куда...

Помогли друзья и покровители. Они не оставили Рауфа в беде.

Спасением нацистов занималась специальная организация «Паук». Она была создана в Австрии небезызвестным Отто Скорцени, бывшим начальником отдела диверсий главного имперского управления безопасности. «Паук» имел целую сеть явок и тайных маршрутов. «Все было организовано четко, по-штабному», — не без гордости говорил один из бывших, кому удалось таким путем уйти от возмездия.

«Паук» был тесно связан с ватиканским епископом Алонсом Худалом. Под черной сутаной скрывался давний и преданный поклонник фашизма. Еще в 1936 году Худал написал свой трактат «Об основах национал-социализма», в кото-

ром благословил словом божьим человеконенавистническую расовую теорию, а ее создателя Адольфа Гитлера объявил преемником Карла Великого.

Возглавляя в Ватикане «Институт души святой Марии», монсеньор Худал через паспортное бюро папского двора снабдил фальшивыми документами фашистского аса Ганса Ульриха Руделя, «лионского мясника» Клауса Барбье и сотни других бывших эсэсовцев.

Одним из неприметных связанных епископа был и капеллан, который являлся по воскресным дням в лагерь города Римини. Обращенные к господу молитвы не мешали ему заниматься чисто земными делами. Не без его помощи Рауфу удалось исчезнуть из «лагеря для интернированных лиц». Ни американская, ни британская разведслужбы не предприняли никаких шагов для розыска одного из главных преступников XX века.

В Неаполе Рауфа уже поджидал отец Драганович — в прошлом подполковник, один из подручных хорватского фюрера Павелича. «Добрый отец», — как свидетельствует западногерманский журнал «Штерн», — получал за каждого переправленного простого нациста 1000 долларов и 1400 — за преступников высокого ранга». Надо полагать, что за такого палача, каким являлся Рауф, было заплачено по самому высокому тарифу.

Из Неаполя, переодевшись в гражданский костюм, Рауф попадает в Рим. Отсюда, из Вечного города, брала начало «крысиная тропа», по которой военные преступники переправлялись из Европы, где у них горела земля под ногами, на «южный конус» — в страны Латинской Америки.

Несколько лет Рауф прожил в Эквадоре, затем перебрался в Чили. Там его убежищем вначале стал небольшой городок на берегу Тихого океана Пунта-Аренас. Проследившая путь нацистского палача, чилийский журналист Гастон Варгас писал: «Он становится управляющим консервного завода «Камелио» и занимается торговыми операциями. В компании, как правило, Рауф берет высших чилийских офице-

ров. После появления в международной прессе сообщений о его прошлом, и особенно после прихода к власти демократического правительства Сальвадора Альенде, бежит в Бразилию. После государственного переворота в сентябре 1973 года и прихода к власти генерала Пиночета Рауф возвращается в Чили и с тех пор живет в Сантьяго, в собственном доме на Лос-Пасос 7243, Коммуна де Лас-Кондес, и становится компаньоном предприятия-импортера «Голдман, Джонсон и К°». В феврале этого года (1983 г.— З. С.), в момент выдачи Клауса Барбье, Вальтер Рауф спокойно отдыхал на фешенебельном курорте Винья дель Мар».

Но экспортно-импортные операции служили только ширмой для матерого преступника. Уже через несколько часов после прихода к власти чилийской хунты полковник Гектор Секульведе, шеф пиночетовского гестапо ДИНА (Национального разведывательного управления) предложил бывшему штандартенфюреру СС должность советника по борьбе с коммунистической деятельностью. Вот когда пригодился опыт подручного Гимmlера и Кальтенбруннера! Рауф руководил арестами чилийских патриотов, создавал специальные карточки на всех заподозренных в сочувствии к коммунистам, придумывал изощренные пытки с применением электричества. Это был его «звездный час»...

В конце концов, под давлением общественности, правительство ФРГ выдало ордер на арест «отца душегубок». Дело рассматривалось в чилийском Верховном суде. Но требование о выдаче преступника, поддержанное генеральным прокурором республики, было отклонено под тем предлогом, что Рауф «получил чилийское гражданство на законных основаниях и не вмешивается во внутренние дела Чили».

«Я живу в мире с самим собой. Моя совесть чиста», — заявил, выйдя из суда, окружившим его репортерам бывший штандартенфюрер СС Вальтер Рауф, членский билет нацистской партии № 5216415, один из создателей машин смерти, виновник гибели 250 тысяч человек — жителей Польши, Литвы, Белоруссии, Украины...

Недавно телеграф принес весть, что он скопчался в своем доме в возрасте 78 лет и был похоронен со всеми почестями, как человек, вполне достойно проживший свою жизнь...

Не одному только Рауфу удалось с помощью покровителей укрыться от правосудия.

В обвинительном заключении военного трибунала 4-го Украинского фронта перечень виновников массовых злодеяний в Харькове возглавляют обергруппенфюрер СС Зепп Дитрих, командир дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», и группенфюрер СС Симон, командовавший эсэсовской дивизией «Мертвая голова».

Зепп Дитрих, начавший свою карьеру начальником личной охраны Гитлера, был одним из любимцев фюрера. С истинной патологической жестокостью он чинил кровавые расправы на оккупированных территориях. Восхищенный им Геббельс называл З. Дитриха наполеоновским генералом, считая, что будь на Восточном фронте хотя бы двадцать таких карателей, там не существовало бы никаких проблем.

В марте 1943 года головорезы из банды Дитриха заживо сожгли 900 тяжелораненых красноармейцев в госпитале на улице Тринклера, облили бензином и забросали гранатами 300 хат в Тарановке, выжгли половину Мерефы.

В Харьковском областном архиве хранятся десятки объемистых папок с актами об ущербе, причиненном гитлеровцами.

Выступая на Нюрнбергском процессе, главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко сказал, что «за истребление более 20 тысяч мирных граждан Харькова, расстрелы и сожжение заживо военнопленных ответственны эсэсовские части и, в частности, дивизии СС «Адольф Гитлер» под командованием обергруппенфюрера Дитриха и дивизия СС «Мертвая голова» под командованием группенфюрера войск СС Симона».

Оба эсэсовских генерала были к этому времени уже в руках союзников. Состоялись суды.

И Дитрих, и Симон были приговорены к разным срокам

заклучения. Но сeрдобольная Фемида вскоре простила палачам их «грехи». В 1954 году из английской тюрьмы в Верле и американской тюрьмы в Ландсберге были освобождены 120 крупных военных преступников. Одним из них был бывший командир дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» Зепп Дитрих. Несколькими годами позже был выпущен на свободу и генерал-убийца Симон.

Из 84 463 военных преступников, против которых в Федеративной Республике Германии велись расследования или возбуждены судебные дела, осуждено лишь около 7 тысяч человек. Тысячи бывших нацистов, избежавших справедливой кары, легально живут в странах Латинской Америки, США и Канаде. Бывшие служащие вермахта и гестапо получают высокие пенсии. Ежегодно собираются на шумные сборища нацисты из «Мертвой головы», палачи из «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Они в чести. Они вне досягаемости закона. Конвенция ООН о неприменимости сроков давности к военным преступникам их не страшит.

«Теоретик» американских неофашистов У. Пирс так прямо и заявляет: «Мы прямые наследники Гитлера. То, что не удалось сделать фюреру, должны сделать мы».

Наследие третьего рейха пользуется сегодня большим спросом. 1400 книг написано о Гитлере. За семь долларов в США можно приобрести «библию нацизма» — «Майн кампф». В самом центре Парижа свободно продаются «сочинения» одного из идеологов расового геноцида А. Розенберга, казненного в Нюрнберге. Нарасхват кассеты с нацистскими песнями, значки эссовских дивизий, нарукавные повязки со свастикой.

...Незадолго до окончания Нюрнбергского процесса, когда карающий меч правосудия был уже занесен над главарями фашистской банды, Геринг сказал американскому копвоиру: «Вы еще положите наши останки в мраморные гробы».

Мрачный прогноз фашистского палача не должен сбыться. Слишком высокую цену заплатило человечество за избавление от фашизма.

Художественно-литературное издание

САГАЛОВ
Зиновий Вульфович

ПРЕЛЮДИЯ К НЮРНБЕРГУ

Повесть,
основанная на документах

Редактор В. Н. Копорулина
Художник обложки А. Г. Жуков
Художественный редактор Б. Ф. Бублин
Технический редактор В. Я. Козинченко
Корректор Я. М. Тимошенко

ИБ № 2471

Сдано в набор 24.11.89. Подписано к печати 27.04.90.

БЦ 00029. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1.

Гарнитура обычн. новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60.

Усл. краскоот. 5,86. Уч.-изд. л. 5,54+0,57 (вкладка).

Тираж 10 000 экз. Зак. 9-490. Цена 35 к.

Издательство «Прапор», 310002 ГСП

Харьков-2, ул. Чубаря, 11.

Книжная фабрика имени М. В. Фрунзе, 310057,

Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, 6/8

Сагалов З. В.

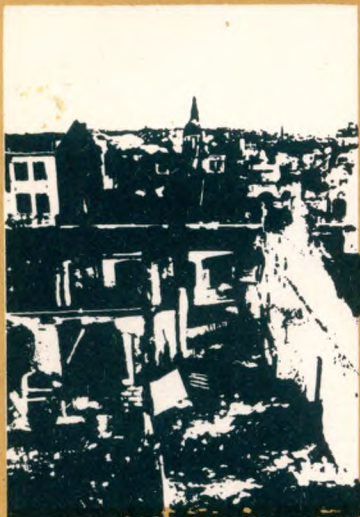
С13 Прелюдия к Нюрнбергу : Повесть, осн. на докумен-
тах. — Х.: Прапор, 1990. — 113 с., [8] л. ил.

ISBN 5-7766-0149-5.

В книге рассказывается о первом судебном процессе над немецко-фашистскими преступниками, который состоялся в декабре 1943 года в Харькове, вскоре после его освобождения от ига оккупации. Суд в Харькове стал грозной прелюдией к Нюрнбергу.

С $\frac{4702010204-027}{M218(04)-90}$ 44—90

ББК 63.3(2)722

О Международном трибунале в Нюрнберге написаны тысячи книг, исследований, статей. О судебном процессе, проходившем в Харькове в декабре 1943 года, знают немногие. А ведь он был первым ударом колокола, возвестившим о неминуемом возмездии. Грозной прелюдией к Нюрнбергу...